

Гай Себеус
Гости с той стороны

Гай Себеус

Гости с той стороны

«Издательские решения»

Себеус Г.

Гости с той стороны / Г. Себеус — «Издательские решения»,

Пустоты, провалы в реальности, образованные нереализованными вероятностями, — самая страшная вещь! Одни затягиваются быстро. Но другие, злобно мстя, превращаются в настоящий источник бед. И чем мощнее желание, мечта, тяга к несбыточному, тем опаснее дыра в реальности...

Содержание

Бласт	6
1	6
2	8
3	10
4	11
5	13
6	15
7	17
8	19
К дикарям	20
1	20
2	22
3	25
Беглянка	26
1	26
2	27
3	28
Тан-Аид	30
1	30
2	32
3	34
4	35
5	37
6	38
7	40
Петал	42
1	42
2	44
3	45
4	46
5	48
6	49
Вечность	51
1	51
2	53
3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гости с той стороны

Гай Себеус

© Гай Себеус, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бласт

1

Пустоты, провалы в реальности, образованные нереализованными вероятностями – самая страшная вещь!

Одни затягиваются быстро. Но другие, злобно мстя, превращаются в настоящий источник бед.

И чем мощнее желание, мечта, тяга к несбыточному, тем опаснее дыра в реальности.

Это было лишь год тому назад.

Отец взбесился, когда его щедро прикормленный врач диагностировал у Блуста обострение психического заболевания, о котором и талдычил весь год. Отец закрывал на это глаза, не желал верить. Не помогло. Болезнь не отвязалась.

Бласт лежал, бессильно распластавшись на мокрых от пота простынях. Полузакрытые веки подёргивались, глазные яблоки плавали под ними, будто наблюдая череду сменяющихся картин. Дыхание было прерывистым, пальцы безостановочно искали – что? Непонятно.

А проклятый лекарь скрывал торжество от своей правоты за умеренно скорбной миной.

– После снятия симптомов обострения я настоятельно рекомендую отправить юношу туда, где климат не столь жаркий. Да и просто надо бы сменить образ жизни. В вашем доме нынче слишком тягостная обстановка. Пожалуй, в сложившихся обстоятельствах, это единственное, что может помочь больному.

Отцу страшно не хотелось выполнять рекомендацию докторишки.

– Как досадно всё это! Как неуместно! Тут ещё эти похороны!

Он тут же спохватился: в присутствии постороннего, тем более лекаря, который способен разносить сплетни по домам горожан, надо быть поосмотрительней. Смерть жены, ...*очередная смерть очередной жены* ...заслуживала выражения большей скорби. Но проклятый врач слишком часто бывал в их доме, чтобы его можно было обмануть.

– Болезнь никогда не бывает своевременной, – лекарь включился в игру под названием «приличная реакция на печальные события», – ...как, впрочем, и смерть. Хотя...

– Боги, за что мне это всё? – на удивленье искренне воскликнул хозяина дома.

Ответ не замедлил.

– Если постоянно всё в жизни не ладится, стоит задуматься: может, не свою жизнь живёшь? Не изменить ли что-нибудь? – сам лекарь был смущён собственным нахальством: давать советы, когда вопрос был адресован богам.

– Но ведь целый год всё было хорошо! – рассеянно возразил хозяин. – И вот снова! Может, этот случай так повлиял на него?

– Да, подобное зрелище стало нежелательным для его психики! Произошёл надлом.

– Так лечи! ...Надлом! Сколько денег надо? Лечи!

– У него делирий, это несомненно. Я давно наблюдаю его. Это ...не лечится. Это ...свойство личности.

– Делирий? Что это? Поназывают тут! Игра слов!

– Делирий – это помрачение сознания с галлюцинациями и иллюзиями, страхами и возбуждением, – надулся от важности врач. – У мальчика явно повышенная тревожность, – двумя большими пальцами рук он синхронно надавил на глазные яблоки бессильно распластавшегося больного.

Бласт подскочил с постели и начал собирать с пола невидимое, будто трещины и пятна представляли собой нечто более значительное, чем были на самом деле.

– И это притом, что я уже дал ему успокоительное! – пыхтя, врач с трудом уложил больного и влажной, охлаждающей повязкой прикрыл ему полголовы. Бласт со стоном затих.

Отец зажал себе рот, из которого рвались возгласы горьких разочарований.

Самоуверенный тон проклятого лекаря означал одно: прощайте, мечты о возвышении, в которые он вложил так много и столь многим пожертвовал!

Отец давно мечтал стать во главе Афин. Но без поддержки родни, без своих среди молодежи – нет, это немыслимо! С больным сыном мечты таяли безвозвратно. Болезнь – это слабость, а кому нужен вырождающийся род? Это был провал. Провал в реальности.

Он клял врача, клял сына, клял судьбу! Как яростно рычал он на шмыгающих, как тени, слуг! Но чем это могло помочь?

– Ладно, – врач, поняв, что сегодня щедрость хозяина дома его уже не порадует, решил удалиться, – хозяйке моя помощь уже не понадобится, мальчику надобен только покой, стало быть – мне пора.

Будто в ответ Бласт снова подхватился с постели и на четвереньках пустился хлопками догонять невидимо расползающихся жучков...

2

Это было всего лишь год назад.

Отцу пришлось пожалеть о том, что выполнил рекомендацию докторишки с запозданием. Ему всё-таки пришлось отправить Блеста за море, но уже по другой причине.

– Дикари! Бессмысленные дикари! Что поделаешь! – Долих на правах друга выхватил и допил остатки вина. Потом, подрагивая от утреннего холода, принялся за уборку. За борт полетели крошки, куски и осколки – свидетели вчерашней пирушки.

Вода Амазонского моря после ночной грозы была слоиста и непрозрачна. Но восход веселил и обнадеживал. Ветер резво вычёсывал небо. Облака редели жидкими длинными прядями и опадали, опадали.

Парусник с лиричным названием «Афон», что по-гречески значило «цветок», был лёгок и изящен.

– Не такие уж они и дикари, если мы не можем выжить в своих Афинах без них. Без их зерна, золота и рабов, – Бласт, бледный с похмелья, в косо накинутом мятом плаще, машинально перебирал струны кифары под хлопки паруса, ловившего обрывки капризного ветра.

– В Афинах разучились работать! Даже рабы стали бездельниками, привыкшими к удобствам и роскоши! А рабы должны выполнять своё предназначенье! Как, впрочем, и золото! Но только дикари станут закапывать в землю то, что может служить, и замечательно служить, живым людям! – Долих энергично метался по палубе, будто не вместе они вчера до ночи предавались греху любопытства «только попробовать вино», предназначенное для продажи...

– Ты опять о своём золоте! – Бласту было тошно всё.

– Ты только представь, дружище! Они же буквально облепливают своих покойников золотом: рукоятки мечей и ножны с золотыми обкладками, золотые бляшки на одежде, погребальные веночки на головах и накладки на глаза и губы из золотой фольги...

Длинный Долих кривлялся, объедками вчерашнего пира выкладывая на себе веночек и накладку на глаза и губы.

– У-у-у! – Скроил дикую рожу. – А за щёку, за щёку, взгляни, закладывают золотую денежку, чтобы было чем заплатить за перевоз в страну мёртвых!

– Всё, всё, всё! – Бласт резко рванул струны, – это просто невыносимо! Ты же ещё больший дикарь, чем они! Ну, зачем, зачем тебе их погребальные наклейки и денежки из-за щеки? Как ты это собрался добыть? Гадость!

– Золотые (!) погребальные наклейки! Ты упустил смысл, дружище, пропустив одно только слово! Золотые (!) погребальные наклейки! Ты понимаешь, что золото создано, чтобы работать, а не гнить в земле! Помнишь, как не хватало нам золота? Если бы не это, мы не качались бы так уродливо целый месяц в этой уродливой посудине. А что ещё нас ждёт впереди в этой уродливой земле?

– Умолкни, урод! Нас слышит капитан!

– Капитан? Капитан славный парень! – дурашливо завохтал приятель. – А что, капитан, это правда, что места, куда мы плывём на вашей у... прекрасной посудине, это жуткие земли? Там живые неведомо откуда добывают столько золота, что охотно делятся им с мёртвыми, которые уже ни с кем не хотят делиться..., – Долих явно планировал высказаться пространнее, но ему не дали...

В этот момент на палубу уверенно, как к себе домой, спланировал толстый старый ворон. Птица была хороша, очень хороша.

Она и сама будто осознавала собственную значимость и красоту. Перо её отливало фиолетовым. Широко расставленные ноги были крепки. Передвигался ворон скачками, боком, совершенно осмысленно заглядывая в глаза говоруну Долиху. Более того, полуоткрытый клюв его будто готовился к высказыванию!

Долих, в ужасе от кошунства собственных изречений и от внезапно свалившейся чуть ли ему не на голову чёрной птицы, быстренько набил себе пальцами по губам, будто желая отмежеваться от последнего высказанного.

Его блуждающий взгляд упал на облака, с которых свалилась птица.

О, жуть! Нижний плоский слой облаков нёс на себе чётко очерченный облачный же силуэт покойника!

Судорожно вздохнув, Долих зацепился глазами за землю. Но и она холмами и горками вырисовывала контур лежащего мертвеца со смиренно сложенными на груди руками!

Держась то ли за сердце, то ли за печень, он вяло опустил на гору тряпья возле борта и с криком подскочил: гора под ним ожила и с похмелья забормотала что-то несвязное. Это был чёрный раб, тоже с ужасом взиравший на облака с силуэтом покойника.

3

Капитан, всё ещё сердясь на бесшабашную молодёжь, загадившую всё его судно, с маху дал под зад медлящему рабу, шуганул толстого ворона и тем отвёл душу.

Не очень-то самому ему хотелось идти на край света с этими двумя оболтусами. Но больно уж хорошую плату пообещали за один только поход! А парусник уже давно просил ремонта. Поэтому приходилось терпеть и разговоры разговаривать.

– Золота в Тановых землях в самом деле много. Ровно столько, сколько хороших людей отправляется в мир иной. Говорят, когда душа доброго человека воспаряет к небесам, в края вечного блаженства, – с подошв его сандалий осыпается золотая пыль!

– А что осыпается с сандалий плохого человека? – Долих не намерен был равняться на хороших людей и пристально осмотрел свои довольно поношенные сандалии. Оборвал пару истёртых ремешков и шнурок, приладил то, что осталось. Довольно потопал ногой и поднял глаза на капитана. Тот крайне неодобрительно наблюдал за ремонтом обуви и кучкой мусора, опять выросшей на очищенной было палубе.

– А с плохого человека стекает вонючая нафа, – выдохнул он прямо в лицо Долиху струёй перегара. – Так говорят старики!

– Что такое нафа? – Бласт отложил кифару и прилёг, укрывшись чёрным плащом друга. Солнце светило ясно, но теплолюбивые греки мёрзли.

Ворон же будто не замечал утренней свежести. Он бодро взлетел на рею и, обстоятельно потоптавшись, устроился поудобнее. Про него как-то все забыли. А он, кося умным глазом, слушал внимательно.

– Нафу танаиды приучились добывать в подземелье, также как и золото. Такая вонючая чёрная жижа. Они как-то перегоняют её и используют, зажигая в факелах и маяках. Маяки у них хорошо работают. Все моряки, что ходят по Амазонскому Понту, это знают.

– Ну вот, а мне с детства говорили, что с дурных людей нет проку. Опять обманывали! А как маяки с них хорошо горят! – Долих был верен себе.

Бласт вяло поддержал разговор.

– Так что же это получается? Танаиды добывают золото в подземных пещерах, пользуясь тем, что это земли Таната – бога смерти? Поэтому они так щедры они и в отношении своих умерших?

– Может быть, поэтому. Они считают золото частью Вечности. Оно ведь не портится. Оно не может принадлежать ни живым, ни мёртвым. Оно просто перетекает с одного места на другое, оставаясь собой.

– Да здешние люди философы! – Бласт явно чувствовал себя получше. Свежий ветер с близкого берега приносил горько-сладкий аромат тополей и цикория.

– Пожалуй, они в какой-то мере и философы. Если бывают безграмотные философы. Танаиды не знают письменности. Когда на центральной площади Тан-Аида установили камень с городскими законами, читали их только греки-колонисты. Местным приходилось озвучивать.

– Да, места здесь странные. Мне говорили, что здесь жуткий край света, но такого не рассказывали.

– Это самый край жизни и имя ему – Тан! Да вы сами скоро всё увидите. Все здешние города посвящены Тану. Но главное не это! Говорят, именно в здешних подземьях закован отец богов наших, слава им, чьё имя Хронос. Хронос – это само беспощадное Время, пожирающее собственных детей.

Долих опасливо вынул медное зеркальце и стал осматривать лицо и виски. Разгладил морщину у носа, взрыхлил негустые волосы.

4

А капитан, увидев, как подействовали его слова, продолжал.

– Да, да, и мы его дети. И нас он пожирает. Только его дети-боги отбились от него и заточили в Подземье. А вот мы, смертные, не можем отбиться. И служат ему жрецы. И служат неплохо, судя по дару, которым обладают от богов. Здешние жрецы – сила! Они управляют неумолимым Временем, знают его законы. Им доступно то, чего не знают другие! Говорят, им доступно Бессмертие!

– Это невозможно, они же не боги! – Бласт не склонен был попасть под власть разболтавшегося капитана.

– Здешнего верховного жреца Гиера хорошо знал ещё мой дед, который был весьма искусным мореходом, – распалился капитан, видя, что ему не верят. – Деда уже давно нет, а жрец энергичен как никогда, и год от года только молодеет! Да сами увидите! Мы придём в порт Тан-Аида в самый праздник лета. Жрецы говорят, это самый длинный день в году. И посвящают они его Вечности. Они здесь много говорят об этом.

Долих задумался. Вечность, это, конечно, не то, что золото. Но чем-то завораживает.

Бласту совершенно не улыбалось приобретение приятелем новой фобии, ему и прежняя сильно досаждала.

– Брось, тебе не идёт задумываться. На что тебе трухлявая Вечность? Мы с тобой солдаты удачи. Ты сам сколько раз уверял, что мы из всех богов молимся только неуловимому Кайросу, надеясь на его милость! Может быть, в нужный момент нам удастся схватить его за чуб, и тогда он одарит нас хотя бы одной из своих крылатых сандалий! Вот когда взлетим! А ты на Вечность настроился!

Долих повеселел.

– Ты прав, дружище! Будем жить, пока мы молоды! Будем веселиться, пока мы молоды! Молодости не вернёт нам ни Хронос, ни Кайрос – я уверен. Но из них двоих, я скорее помолюсь богу счастливого случая, чем этому зануде с его календарём!

Капитан, суеверный, как все мореходы, возвёл глаза к небу, шепча на всякий случай покаянную молитву за изречённые кощунства. Но Бласт пел божественно, и сердиться на этих двоих было просто невозможно:

Наш нрав и случай – вот кто наши боги!
Жизнь весело мы будем проживать!
Смерть примешь в доме ты или в дороге —
Судьбе и промыслу на это наплевать!

Кромка берега то подтягивалась, то опять уходила к горизонту.

Капитан поёрзал и отправился сам становиться к рулю. Мели здесь были нешуточные. Одна из них, Греческая банка, судя по названию, много бед принесла их соотечественникам.

Долих подсел к Бласту. Эти двое давно были как братья, и понимали друг друга с полуслова. И, что важнее, умели мириться с взаимными недостатками. Бласт решительно крикнул и резко скинул с себя плащ. Он выискал ведро на пеньковой верёвке и закинул его за борт. Долих опасливо подскочил.

– Тебя облить? – выхватил ведро, и, не дожидаясь ответа, броском хлестанул приятеля водой. Тот едва успел избавиться от одежды. Бласт охал и постанывал от удовольствия, растираясь холстинкой.

Тем временем их корабль подошёл совсем близко к высокому берегу, на который высыпали девушки в белом. Они щебетали, пересмеивались и показывали друг другу греческий корабль с прекрасным юношей на палубе. Бласт замер, следя за ними.

Девушки пришли в полный восторг: как он похож он на статуи прекрасных греческих богов, которые немало привезли в эти земли из Греции!

Долих заметался было по палубе, рванулся к капитану, намереваясь отдать распоряжение срочно пристать к берегу. Но капитана такие мелочи, как прекрасные девушки, совсем не волновали. Он проявил к ним полное равнодушие и потрясающую стойкость в следовании выбранным курсом, и приятелям пришлось только смиренно проводить юных красоток взглядами.

Приведя себя в порядок, они приосанились и двинулись к капитану, намереваясь задать ему серьезный вопрос о времени остатка пути. Но остановились, вдруг увидев его внезапно помертвевшее лицо. Посмотрев в том направлении, они увидели на высоком берегу странное изваяние.

Это была каменная фигура женщины.

Беременной женщины.

Руки её, образуя своеобразный жертвенник, были смиренно сложены под выпуклым животом.

– Ка-а-р-р-р! – ворон вдруг громогласно сорвался с реи, стремительно спланировал на остоленевших греков, вынудив их испуганно присесть и закрыться руками. Растерянными взглядами они проводили его тяжёлый полёт по направлению к Тан-Аиду.

Туда же, куда шли они. Не сговариваясь, приятели обернулись, будто сила взглядов в состоянии была помочь им вернуться домой.

5

*Как вода высыхает, так пусть моя любовь тает,
Как песок утекает, так пусть моя страсть исчезает,
Как луна убывает, так пусть моя боль пропадает!*

Судорожное бормотание на перекрёстке трёх дорог постепенно превратилось в отчётливые слова, звучащие сперва жалобно, а потом зловеще и угрожающе.

Огоньки Афин мерцали вдалеке. А здесь царствовала силуэтами и тенями причудливая тьма. Струи лунного света обтекали её, сложили, странно изменяли размеры и расстояния.

Женская фигура в тёмном плаще с капюшоном металась на перекрёстке в свете полной луны, воздевая руки, истерически выкрикивая тайный заговор.

Она требовательно протянула руки назад. К ней подбежал раб с мешком, в котором копошилась и повизгивала какая-то тварь. Они склонились над мешком. Луна вошла в тучу. Только слышно было, как чиркнул нож. Раздался короткий плюх. Женский голос забормотал с усиленной энергией:

*Богиня ночи, тебя призываю,
Тебе жертву посвящаю,
Её горло разрезаю,
Крови трижды выпиваю.*

Раздались втягивающие жидкость звуки. Жертва билась. Приходилось её скручивать. Но женищина отогнала раба в сторону и всё делала сама.

Раб трясся от страха, но вытягивал шею, не в силах совладать с любопытством. Полная луна, криво выйдя из-за тучи, осветила его уродливое чёрное лицо. Он облизывал сухие губы и, приплясывая от напряжения, старался рассмотреть тайное действо. Но как ни хотелось ему подойти и принять более активное участие, он не решался. Видимо, запрет был строжайшим!

*Как яйцо в курицу не вернётся,
Как колесо палкой не разогнётся,
Сухой сук живым тополем не станет,
Моя молитва до небес достанет!*

Вывихнутый стих заговора был понятен лишь настолько, чтобы уловить, что здесь имеет место очень чёрная магия.

Тонкая женская ручка требовательно махнула в сторону переминающегося раба. Тот немедленно подбежал и начал по-звериному быстро рыть яму на перекрёстке трёх дорог.

Женский голос всё закручивал-закручивал колдовское бормотанье. Голос то нисходил до самого шёпота, то визгом ввинчивался в тёмное небо, бурлящее облаками, светом и ветром. Только слышно было:

– Трёх смертей! Трёх смертей! Трёх смертей!

Наконец жертва была брошена в выкопанную яму, и над ней начал расти земельный слой. Раб грёб и руками, и ногами, поливая работу собственным потом.

Женищина всё бормотала и металась кругами, пока под леденящий душу волчий вой над холмиком вдруг не засветилась фигура, сотканная будто из лунного света. Она имела три

тела, смотрящие в три разные стороны. Раб в страхе бежал, потом упал на землю, накрыв голову руками. А женищина, с восторгом воздев руки к луне, обратилась к Белоглазой Богине Ночного Колдовства.

Когда она закончила говорить, лунный столп достал до туч и погас.

О чём просила хозяйка богиню, от какой любви она просила избавления и почему желала целых трёх смертей тому, в кого была влюблена, для чёрного раба осталось тайной.

6

– Пожалей ты себя! Боги всемогущие! Вразумите дитя моё!

– Няня, не вой. Я всё равно сделаю так, как решила.

– Но это ведь на всю жизнь! Один раз и на всю жизнь! Ты, глупое дитя, хоть понимаешь это? Что ты застыла, как стеклянная?

Лунный свет обтекал тонкую девичью фигурку в белом. Лия и в самом деле была похожа на один из изящных стеклянных бальзамариев с душистыми маслами, украшающих её девичий столик.

– Да что же это за напасть! Столько парней за тобой увивается! Красива, умна, богата! Столько женихов, готовых хоть завтра явиться! А ты что надумала!

– Не шуми, няня. Отец узнает, тебе же хуже будет. Мне-то всё равно уходить отсюда.

– Да чем он тебя так взял? Да, хорош собой. Но он же больной, Лия! Ты посмотри, лекари в доме просто поселились! Да и странный он какой-то!

– Не надо, не говори ничего о нём. Ты знаешь. Мне другой никто не нужен, – равнодушный голос звучал механически.

– Он околдовал тебя!

– Я была бы рада, если бы он околдовал меня. Это хотя бы значило, что я не безразлична ему. Но это не так. Меня просто нет в его жизни.

– А ты всё ждёшь.

– А я всё жду.

– Ты ведь не глупая. Понимаешь, что ждать уже бесполезно. Сколько лет прошло?

– Три года, пять месяцев и двенадцать дней...

– Боги! Он всё-таки околдовал тебя! Ты совершенно лишена воли! И гордости!

– Зачем мне гордость? Мне нужен он. Я это поняла ещё тогда, когда мне было тринадцать. Мы были детьми. Вместе играли. Родители уже начали одевать меня во взрослые одежды. Но мы были ещё совершенными детьми. Кувыркались как глупые щенки. Я была самая быстрая из всех детей. И страшно этим гордилась.

– Не догонишь! Не догонишь!

Бласт, как и все мальчишки разгорячённый беготнёй, никак не мог поймать эту юркую девчонку. Она была одета во взрослое платье. Это не то чтобы мешало ему. Но было как-то странно, разрушало ощущение безмятежности. От взрослых только и жди неприятных напоминаний и всяческих одёргиваний. А эта ещё и задирает!

– Не догонишь! Не догонишь!

Бласт сделал вид, что ему совершенно не интересно её догонять. В это время к ней подошёл толстый увалень с цветами. Начал что-то говорить, и у девчонки растаяло лицо. Стало противно взрослым. Ах, так! Ну, он им устроит!

Крадущейся походкой он обошёл вокруг. Примерился. И звериным броском... почти настиг её!

Девчонка вывернулась непонятно как! Только цветы не удержала. Они рассыпались прямо под ноги, и нежные стебли сломались от его бешеного натиска. Яркий цветочный узор оказался раздавлен в уродливую кашу под его небрежной сандалией.

Толстяк ахнул. Как же жалко ему было своих цветов! И как же он ненавидел того, кто ему так помешал!

А девчонка неслась, как ветер!

Бласт поднажал. По прямой не догнать. Тогда он начал хитрить, теснить её к деревьям. Здесь нужна не только быстрота, в которой он проигрывает этой длинноногой. Среди деревьев нужна ловкость.

И он схватил её. Грубее, чем можно было. Но очень уж он разозлился!

Ему хотелось зафиксировать свою победу. Он привык побеждать. А тут пришлось нелегко. Но она должна понять, что победитель он!

Одного поцелуя для этого будет достаточно!

Он приготовился к отпору, внутренне поджавшись. Но странная девчонка вцепилась в него, как будто ждала именно этого грубого поцелуя!

Не стоять же здесь, пока не увидит кто-нибудь! Толстяк уже несётся, что-то крича. Зовёт куда-то.

Бласт второпях предложил встретиться вечером, даже сам не запомнив, где и когда.

7

А она ждала.

Ждала, сначала скрывшись в листве. Надеюсь неторопливо выйти, когда он придёт и будет искать её.

Но его всё не было. И она решила, что что-то перепутала. Время или место.

Вышла на полянку, освещённую луной, чтобы быть виднее, если он потерял её. Но он не потерял. Он просто забыл о назначенном свидании.

Так горько она не плакала ни до того, ни после. Нянька растерянно хлопотала вокруг, осознавая свою вину, что пропустила важный момент в жизни порученного её заботам дитяти.

Но было уже ничего не поправить.

Любовь вломила в неё, изменив течение всей жизни...

С тех пор прошло три года, пять месяцев и двенадцать дней...

А у неё было ощущение, что она так и не уходила с той, освещённой белым лунным светом полянки. И никак не могла избавиться от ноющего чувства ожидания и надежды, что ещё не всё потеряно...

Несколько раз после этого они встречались на городских праздниках, в домах общих родственников. Но он всегда был в кругу шумных подростков, демонстрирующих лихость и независимость.

А Лия к тому времени приобрела странную робость и неуверенность. Стала бледной и молчаливой. Словно шмыгающие по углам тени впитали в себя её резвость.

Её тянуло к нему. Она изучила привычки его семьи. Храмы, которые они посещали. Праздники, значимые для них. Всеми возможными хитростями пыталась бывать там, где бывает он.

Но он просто не видел её. Будто она была пустым местом.

Её бешено жгли его привычки свободного обращения с девушками. Однажды вечером ей даже пришлось запустить в него горшком с цветами, чтобы не дать разорваться собственному сердцу.

Но тут при странных обстоятельствах умерла его мачеха. И по городу разошёлся слух о том, что вдовец не собирается горевать чрезмерно долго и подыскивает себе молодую жену. Вот только сын выздоровеет – не играть же свадьбу, когда в доме больной!

В своих чарах она была уверена. С зеркалами, которых у неё было несчётное количество, она дружила.

Свадебный пир был великолепен.

Жених, несмотря на седины, был восторжен и неописуемо, по-молодому щедр! Музыканты и артисты, фокусники и факиры, сменяя друг друга, устроили праздник до небес! Приглашённых гостей, большинство из которых были ей незнакомы, совершенно очаровал и изобильный стол, и изукрашенный двор с новым фигурным фонтаном, и, конечно же, радушный хозяин с молодой красавицей-женой.

А ей все эти толпы только мешали. Они были подобны мешку досадной шелухи, в котором затерялась одна искомая светящаяся луковица. На протяжении всего заполненного событиями дня она пыталась приблизиться к Бласту. Но он подошёл к ним только раз, поздравить. И быстро отошёл к своим шумным друзьям.

Подсознательно Лия пыталась симитировать ту самую детскую ситуацию, когда-то родившую в её душе эту большую любовь. Она не выступала торжественно, как положено неве-

сте, а постоянно пыталась бегать: в танцах, в поисках родственников... Но ей так и не удалось разбудить его память.

Впрочем, тщеславие её было удовлетворено. На лицах подружек она увидела зависть к подаркам, к нарядам, к дорогому представлению. Это всё лечило её неуголѐнную обиду от оказанного Бластом пренебрежения.

Его красивое, разгорячѐнное танцами лицо постоянно стояло у неё перед глазами. Даже сейчас, когда все гости уже разошлись, и она осталась одна в своей новой комнате, полной цветов и подарков.

Вдруг дверь открылась. Из тьмы в мелькающем на сквозняке свете свечи появилось лицо Блуста... Будто из самых смелых её пожеланий! Сердце её ёкнуло и закатилось куда-то в пустоту...

Ей понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что к ней вошёл муж. Очень похожий на Блуста лицом...

Сегодня была её свадьба. Она принадлежит отныне этому человеку.

А Бласт стал её пасынком.

8

Прошло несколько месяцев.

Взгляды, бросаемые молодой женой на сына, не прошли незамеченными. Вот тут и пришлось пожалеть, что в своё время не дошли руки до того, чтобы выполнить рекомендации лекаря.

Болезнь больше не напоминала о себе, и сын был отослан подальше из дома сначала с одним поручением, потом с другим. Поручения он выполнял из рук вон плохо, оправдываясь то плохим самочувствием, то какими-то случайностями. Отца всё это раздражало, как любая ситуация, становящаяся неуправляемой. В результате их отношения испортились до такой степени, что Бласт практически перестал бывать дома.

Лии хотелось выть.

Она вышла замуж ради того, чтобы стать хоть как-то ближе к Бласту. Но он был по-прежнему далёк и недосыгаем. Она не имела возможности даже перекинуться с ним словечком. Все будто сговорились не оставлять её наедине с ним ни на минуту!

Она не сошла с ума только потому, что старая нянька выслушивала все её бесконечные сетования. Высказавшись и выплакавшись, она могла жить дальше. Если бы не это...

Нянька очень жалела её, даже больше, чем родители: «Красива, умна, богата, а счастья боги не дали!»

Однажды, видя, как страдает её дитяtko, нянька очень робко предложила

– Может быть, сходить к ведунье? Может быть, она поможет обратить его взгляды на тебя?

– Няня, я сама себе ведунья. И давно уже пыталась накинуть на него кольцо. Ещё до свадьбы. Но Белоглазая Богиня отвергла мою жертву.

– Как, когда ты научилась этому? Неужели тебе не страшно? Это ведь очень чёрная магия!

– От отчаяния я готова на всё.

– Ну, ...попытайся ещё раз.

– Пыталась трижды. Больше нельзя. Если жертва трижды не принята, больше нельзя просить. Значит, так тому и быть.

– Значит, придётся смириться. Твоя воля не может быть сильнее воли богов!

Прибирая разбросанные по комнате платья, нянька бросала взгляды на тонкую фигурку хозяйки на балконе.

Её богато изукрашенный наряд был ярко-алого цвета.

Но во тьме пламенный цвет стал бурым, будто запёкшаяся кровь.

Старая нянька, бессильно плача, смотрела из темноты на свою девочку, так похожую на изящный бальзамарий.

Но теперь уже тёмный.

К дикарям

1

– Ты – мой позор! У тебя совершенно нет характера! Ты неудачник! И поэтому ты – моя неудача! Мне стыдно перед людьми, что у меня такой сын! Я так на тебя рассчитывал! Я так много вложил в тебя! Где результат? Где результат, я спрашиваю? Где отдача? Ты знаешь, во сколько ты мне обходишься?

Отец с безобразными воплями метался по дому, рвал на себе волосы, возводил глаза и руки к небесам. Он то вскрикивал, то обессилено падал в кресло.

Бласт скорбно свёл в пучок брови, нос и губы. Но про себя отметил: «отдача – неудача» – неплохая рифма! Надо запомнить!

– И опять! Опять! – отец мучительно замычал, сдерживая себя, – ты оскорбил влиятельного горожанина нелепыми приставаниями к его жене. Как можно спорить на женщину, которая не тебе подвластна!

И тихонько добавил:

– Да ещё и проспорить. На деньги. На мои деньги!

Бласт покаянно молчал, опустив голову. Да и что он мог сказать? Отец был для него и отцом и матерью. Черета мачех – не в счёт. Поэтому Бласт не презирал его за то, что он вёл себя как женщина: хлопотливо и многословно.

– Ну почему? Почему ты не приехал? Ведь всё было оговорено! – Отец стеной, прислонился к стене. – Я посылаю гонца с известием о смерти моего горячо любимого брата. Ты показываешь известие своему начальнику, и он, конечно же, тебя отпускает.

– Отец, всё так и было, – Бласт, растрогавшись, уже чуть не плакал от раскаянья, от сочувствия к отцу, от сожаления о своём безрассудстве.

– Так почему ты не приехал, сатир козлоногий тебя заberi, если тебя отпустили? – Этот вопрос в бесчисленных вариациях звучал на протяжении всего дня.

– Я так обрадовался, когда получил известие...

– Ты обрадовался? Ты обрадовался! Мало мне твоих болезней! Он обрадовался! Бессердечное чудовище! Гнилой плод гнилого дерева! Как можно этому радоваться! – сорвавшись на визг, отец шваркнул кувшин с вином об пол.

– Я решил было, что ты придумал это, чтобы мне дали отпуск и я бы отдохнул...

С этими словами Бласт подскочил и, ногами впереди всего остального туловища, совсем как в детстве, рванулся спасаться от отцовского бешенства:

– От чего отдохнул? От безделья? От пирушек? От скандалов, которые я уже устал улаживать и оплачивать? – вслед Бласту полетели ручка кувшина, тарелка с фруктами, а потом и сами фрукты.

Он уворачивался, бежал дурацкими скачками и зигзагами на виду у кучи слуг, слыша отцовские вопли, пока не очутился в самом глухом и запущенном углу сада. Сел под облупленной стеной, охватил руками кудрявую голову и с мучительной миной начал размышлять о своей несчастливой доле и о том, как ему не везёт.

Ну, кто мог предполагать, что эта нелепая красотка расскажет мужу о так изящно назначенном свидании! Никто! Он специально купил в храме Аполлона белую голубку. Тончайший пергамент обрызгал душистым маслом. Старательно вывел слова, перед которыми она не могла устоять.

Но чертовка устояла.

Он не понял, в чём он ошибся. Ведь она любовалась им! Он это точно видел! Может быть, он недостаточно долго принимал красивые позы в её присутствии?

Тем более, что ему-то по-настоящему ничего от неё не было нужно. Она была совершенно не в его вкусе. Да и старая... У неё уже даже есть ребёнок!

Он пытался сказать об этом её мужу Атею ещё до того, как слуги этого ничтожества так глупо набросились на него. Если бы ему не пришлось так по-дурацки запутаться в плаще, никто их с Долихом не поймал бы!

Долиху он, конечно, проспорил. И где теперь добыть денег? Отец точно не даст!

Потом он вспомнил о случайно оброненных отцом словах. Это воспоминание было ещё более мучительным, чем предыдущее, и он замычал, раскачиваясь.

С тем, что он гнилой плод ещё можно было смириться. Непутёвым его ругали частенько. Но что отец хотел сказать о гнилом дереве?

2

Своей матери Бласт не знал. Мачехи у него сменялись регулярно, становясь год от года всё моложе. Это бесило. Это вызывало бессонницу и яростные нападки на безвинных прелестниц.

Но потом с прелестницами всё время что-нибудь происходило. Отвратительное и уродливое. Отцу приходилось использовать все свои связи, чтобы заминать скандалы и претензии возмущённых родственников.

Впрочем, из-за приступов собственной болезни Бласт не всегда имел возможности следить за событиями. Только вынырнув из очередного беспамятства, он узнавал об очередной трагедии.

Нынешняя мачеха, игривая и манерная, была явно моложе его самого. И почему-то постоянно встречалась ему на каждом шагу, куда бы он ни перемещался в доме отца. В её поведении было много странного, мешающего возненавидеть её, как всех предшественниц...

Но об этом он предпочитал не задумываться, чтобы не спровоцировать очередной приступ. Последний своей разрушающей силой здорово испугал Блуста. Лекарь сказал, что однажды ему не удастся вынырнуть из пучины безумия, поэтому надо избегать сильных эмоций. Так что пусть отец сам беспокоится о собственной жене, а с него хватит!

Отец... Он впервые оговорился о матери Блуста, да ещё так! Что ж такое между ними случилось? И почему никто и никогда не говорит о ней?

Вдруг ему на голову посыпалась струйка трухи с полуразвалившейся кладки стены. Хитрая рожа приятеля просунулась в дыру.

– Ты жив? Целый день пытаюсь повидать тебя. Меня к тебе не пускают!

– Ага, мне как раз до тебя! Отец чуть не убил! Он планировал представить меня своему начальнику для получения какой-то высокой должности, а я не явился. Из-за тебя, между прочим! Это ты затеял этот спор! Вот должность и отдали другому. А это сын его врага. Нет, он меня всё-таки убьёт!

– Не ной! Зато как мы погуляли! Как мы пошумели! – Долих мечтательно растянулся на траве у ног судорожно скорченного приятеля.

С Долихом было хорошо. Он был беден, но всегда весел. Не боялся рискованных шуток. Даже одеваться любил не как все – любил только чёрные одежды.

Долих, ты друг мне? – Бласт схватил его за руку и сильно сжал. – Отец назвал меня гнилым плодом гнилого дерева. Ты старше меня, ты везде бываешь. Скажи, что говорят о моей матери? Кем она была? Я раньше много об этом спрашивал, но ответа так и не знаю. Как будто все сговорились молчать или уходить. Или правда так ужасна?

Долиху совсем не понравилась новая тема. Он мягко высвободил руку.

– Ну, зачем тебе это знать? Раз не говорят, значит, так лучше.

– А ты? Ты знаешь?

– Чудак! Если никто об этом не говорит, что я могу знать! – Долих небрежно развалился на траве, сорвал цветок, заткнул за ухо и скорчил дурацкую рожу. Но Блуста это не сбило.

– Вот я думаю...

– О, начинается философический приступ! Он думает! Кому это надо! – скептическая мина приятеля совсем не располагала к самоанализу.

Но Бласт не мог победить грусть.

– Я такое ничтожество! Я, действительно, сам себе не хозяин. Отец прав, я всё порчу, за что ни берусь. Мне ни в чём нет удачи! Кайрос не благосклонен ко мне!

В нише трухлявой стены стояла фигурка божества, которому шепотные приятели поклонялись с детства. Бласт почтительно взял её, смахнул пыль, сбросил высохшие цветы. Нарвал свежих и уважительно возложил к ногам статуэтки.

Это был причудливый божок с лукавым личиком и длинным чубом, спадавшим на половину лица. Руки его застыли будто на полуслове, а ноги в крылатых сандалиях были готовы к стремительному бегу. Поклонение стихами ему приходилось принимать частенько. Поэтому обращение юноши он выслушал вполне благосклонно...

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений, —
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть и не могу...

– Всё это пустая болтовня! – фыркнул Долих, не сдержав раздражения. – К тебе судьба благосклонна с детства, не то что ко мне... И что бы ты не вытворял, всё тебе прощается. А ещё ропщешь на Кайроса. Тебе нравится побеждать во всём: в красоте, в спорте, в пирах, кто лучше споёт, кто больше выпьет, кто позже заснёт. И ты всегда, всегда побеждаешь!

От собственных, долго сдерживаемых речей, Долих распалился. Его слова начали звучать зло:

– Тебе не нравится трудиться. В этом нет ничего странного! Мне тоже! Но ты можешь это позволить себе! Ты живёшь, распевая и танцуя! Ты никогда ничего не теряешь! Всё твоё всегда при тебе. Красота. Богатство. Спортивные победы. Любовь красоток. Бог счастливого случая для тебя всегда сводит всё к счастливому случаю!

Долих вдруг увидел удивлённые его горячностью глаза Блуста. Он выдохнул, шутовски растянув щёки:

– Вот и сейчас сведёт. Увидишь!

Перед их глазами проходили удачные примеры покровительства лукавого божка. Игры, пиры, шутки. Но Бласт не мог успокоиться.

– Ты думаешь, всё это радует меня? Нет! Нет ни одного мгновенья, в которое моё сердце дрогнуло бы! Я устал от этой равномерности! Моя жизнь катится поскрипывающим колесом. Я готов разбить это колесо, лишь бы не скрипело! Да, мне жаль огорчать отца, но не настолько, чтобы не огорчать его снова! Мне нравятся красавицы. Но не настолько, чтобы моё сердце остановилось или взорвалось!.. Устал от порядка. От приличий. От меры. Живу, как сплю. Или не живу? Хочу ...безмерности! Хочу зевнуть, потянуться и проснуться! Кайрос, услышь меня! Снизойди! Пошли мне поистине счастливый случай!..

Размахавшись руками, в запале он смахнул заветную статуэтку из ниши. Но, извернувшись всем своим гибким телом, словил её в немыслимом броске, жестоко ободрав и локти, и колени.

«Спасённый» Кайрос будто глянул ему в самую душу.

Вдруг на плечо Блуста легла чёрная рука.

– Господин!

Чёрная голова уродливого раба, принадлежащего его мачехе, раскачивалась на длинной шее, улыбка зловеще открывала тёмные зубы. Причудливые татуировки занимали большую часть ребристой груди, обтянутой жёсткой кожей. Среди них особенно выделялись две свежих рисунка: ножа и стрелы. Крупная воспалённая родинка в центре дополняла картину. Чудные обычаи у его племени!

Широченными ладонями раб делал загребающие движения в сторону доносящихся криков. Блуста звали домой.

А ещё через день он уже отплывал из родных Афин в греческую колонию на берегах Амазонского Понта с поручением: в обмен на товары и предметы роскоши привезти золото, зерно и рабов.

Таково было наказание отца. И желание юной мачехи. Денег отец ему так и не дал. Но ему был подарен в услужение чёрный уродливый раб.

Немного не о таком «счастливом случае» просил Бласт лукавого божка Кайроса.

3

Круглолицый седой старичок, прихрамывая и время от времени растирая поясницу, медленно передвигался по высохшей равнине отступившего Амазонского моря. Кряхтя и что-то приговаривая, он медленно наклонялся, поднимал, дул в ладонь, бросал и шёл дальше. Поднимал, бросал и шёл дальше. И так опять, и опять, и опять...

И за его спиной по безжизненному берегу юлили ящерики, ковыляли в сторону моря крабики, мелкие змейки спешили к камышам.

Небо наполнилось низкими бурлящими тучами. Земля мучительно бугрилась ссохшимися трещинами и корками. Множество лужиц тревожно сияли, как живые глаза.

Ветры метались из стороны в сторону, вздымали бородёнку и жиденькие волосы Протея. А он всё что-то поднимал и бросал, поднимал и бросал.

Столь явно он был огорчён происходящим, что очевидно было его намерение вмешаться и всё изменить. У него было больше возможностей, чем у людей. Ведь он был богом. Хоть и неглавным. Но всё-таки богом.

Протей откровенно горевал, наткнувшись на высохших на злом солнце рыбок, на выбеленные солёными ветрами скелеты мелких тварей.

Скелет покрупнее привёл его в состояние глубокой задумчивости. Он медленно обшаркал вокруг белого остова корабля, севшего на мель лет 20 тому назад. Потом, будто снимая паутину перед лицом, несколько раз отмахнул руками.

У него было острое зрение, у этого старичка! Он видел сквозь время!

...Несколько крепких бородачей в прямоспинных тулупах из овечьих шкур и шапках гребнем отвязывают от мачты этого парусника черноволосую кудрявую девушку. Она крайне измучена, и всё время пытается что-то выкрикнуть. Но кроме воспалённого хрипа её горло, видимо, сорванное долгими криками на ветру, не издаёт ни одного различного звука...

Старик опять отмахивается от неведомой паутины, скрывающей от него ещё более давние события...

...Вот у неё, у кудрявой, из рук вырывают только что рождённого ребёнка. Нервный красавец среди высоких белых стен кричит на неё, осыпая упрёками. Она безмолвно открывает рот, пытаясь вставить какие-то слова, но ей не удаётся. Мокрое от слёз лицо мучительно и жалко, но её собеседник неумолим...

Своей скрюченной пятернёй старик ещё глубже загребает время, чтобы увидеть ещё более раннее...

...Две черноволосые красавицы сестры стоят на носу греческого парусника. Ветер треплет их волосы. На старшую с обожанием смотрит светловолосый грек. Младшая, кудрявая, прижимается к сестре и тревожно оглядывается на покинутую землю...

Старичок понимающе кивает головой сам себе: «Вот оно что! Время пришло! Но всё равно всё идёт не так!» Горестно осматривает скелет корабля, отличающийся от скелетов зверьков только размерами. Утешающе хлопывает по крутому обломку-ребру. Но, похоже, он утешает не этого горе-путешественника, а себя. «Ничего, твоё путешествие ещё не завершено, оно всё ещё продолжается!» – совершенно непонятно заключает он.

Вдруг его протянутая было рука замерла, а круглые голубенькие глазки беспомощно моргнули. Серебристая змейка, поднявшаяся из неприметного блика в недосохшей лужице, смотрела ему в глаза пристально. Будто что-то безмолвно сказала.

Он кивнул: «Уже знаю». Медленно отступил, также медленно, не сводя с неё взгляда, молча, будто поклонился ей, и пошёл в сторону.

Змейка покачалась из стороны в сторону, будто дивясь причуде старичка, потом плавно перетекла в одну из лужиц и растворилась в ней...

Беглянка

1

Густая южная ночь мягко, слоисто колышется над степью. Душные запахи трав дивно перемежаются со струями свежести от близкого моря и только что затихшей грозы.

Молнии столь устрашающе иссекали небо, что все люди в страхе попрятались по домам-по щелям. И не напрасно! После грозы в степи нашли убитую корову, ещё дымящуюся от настигшего её небесного огня. В таких случаях говорят: дракон бога Хроноса поохотился!

Но в этот тихий ночной час от грозы остались лишь воспоминания и тайные страхи, заставляющие вздрагивать во сне малых детей.

Шуршания и потрескивания затихают в моменты зарниц, будто степь переводит дух. Но зарницы тихо, без грома гаснут, гроза унеслась за горизонт, а тьма продолжает своё бытие, стараясь многое успеть до рассвета.

Вдруг её всеохватность проколол один точечный огонёк, потом другой, третий. Вокруг огоньков что-то закопошилось, завскрикивало, заохало. Очарование ушло. Началась суета.

Молодой женский голос жалобно залопотал, потом что-то упало, разбилось, вскрикнула старуха. Женщина застонала, потом опять заговорила быстро и сбивчиво. Старуха ворчливо уговаривала, молодая всё жаловалась, жаловалась. Потом вдруг будто зарычала. Что-то пискнуло.

Откинув дверной полог, из дома шагнула старуха со свёртком в руках.

«Волчица принесла волчонка! Волчица принесла волчонка! Волчица принесла волчонка!» – на три стороны с поклонами прокричала она. В ответ тишина, да мирное миганье звёзд на небе. Только овцы сонно завозились в загоне.

Тем временем небо посинело. Стали различимы узкие улицы между аккуратными маза-ными домами. И площадь посреди построек, и башни на границах поселения, и глубокие рвы.

Женская фигура, явно стараясь быть как можно незаметнее, скользнула через мост. Быстрые босые ноги вынесли её на тропинку, и росный травостой почти укрыл беглянку. Борясь со сбивающимся дыханием, она заторопилась к высокому холму. Украдкой оглядывалась, опраивала покрывало, укутывающее всю её фигурку с головы до ног. Успокаивалась, что вокруг никого, и опять бежала, бежала...

До гребня холма оставалось совсем немного. Но воздуха в груди осталось ещё меньше... Она с всхлипом вздохнула и...

2

Перед ней на тропке вдруг встала, как бичом ударила, змея.

Опираясь на кольцо хвоста, стояла, раскачиваясь. Смотрела пристально прямо в глаза.

Открыла пасть и...

Вдруг с угрожающим шипением перелилась в высокую фигуру в чешуйчатом плаще с крупной змеиной маской на голове!

Беглянка, уронив покрывало, метнулась с тропинки и, заплетаясь тонкими ступнями в высокой траве, попыталась прорваться к вершине. Но остановилась, обессиленная. Ноги подламывались. Она, как зверь, начала подгребать руками, но это было неудобно и быстроты не прибавило. К тому же тянула к земле перевязь под грудью, в которой пискнул ребёнок. Подхватив перевязь, она расправила плечи. Попыталась, откинув спутанную косу, вздохнуть поглубже и...

Резким хлопком её накрыли два чёрных крыла.

Из последних сил она резко отбросила огромного чёрного ворона, яростно молотящего её крыльями...

Ударившись о землю, он не упал. А величаво выпрямился жрецом в чёрном с отливом плаще с крупной вороньей маской на голове! За плечами подрагивали два готовых к взлёту крыла.

Женщина затравлено оскалила зубы, переводя взгляд с одного жреца на другого. И только она метнулась было в сторону от них, как перед ней молчаливо вырос сидящий волк.

Он взглянул исподлобья. В ответ на её оскал хищно дрогнул верхней губой и с грозным горловым рыком вытянулся в жреца в сером плаще с крупной волчьей маской на голове!

Холм, подсвеченный с востока, теперь был для неё недостижим...

3

Жрецы все втроём, наклонив головы и исподлбья держа её взглядами, начали медленно выговаривать тайный заговор. Их жезлы, причудливо украшенные резьбой и ритуальными подвесками, ритмично выплясывали, завораживали, лишали воли. У первого в жезле под рукояткой в форме змеиной головы – водяные часы, в которых капли передрагивали из верхней склянки в нижнюю. Вверху этих капель осталось так мало!

В заговоре звучала угроза, беспощадная угроза! Просить, умолять – бесполезно. Бежать – некуда. Таинственные ритмы перемежались то змеиным шипением, то вороньим граем и клёкотом. Но окончательным приговором звучал звериный, волчий, рык!

Из-под плащей появились кадьницы. Струи белых, приторно-сладких дымов окружили беглянку, и повели её туда же, куда она и бежала, но это была уже не она...

Небо стремительно светлело. Часы в жезле жреца-волка струили песчинки. Вот и выжженная солнцем макушка холма. Ритмы убыстрились, жрецы начали притоптывать и энергично кружиться в экстатическом танце вокруг одинокой фигуры с ребёнком на руках.

Узор, выбитый их ногами, сложился в причудливый треугольный цветок, «сломанные» лепестки которого в какой-то момент начали своё вращение под ногами несчастной. А жрецы время от времени, будто разгоняя энергию трёх ломаных лучей, бросали то песок, то огонь, то плескали водой. Близкая трава корёжилась, дымилась и выгорала.

Струи молочных дымов спиралью обвернули женщину, шею которой уже охватила блестящая золотая гривна с чёрной каплей камушка на конце. ...Вянущей безвольной рукой она попыталась было стащить её, но напрасно...

Ритмы позвякивающих жезлов будто сковали тело, которое начало млеть и оплывать камнем. Змей, ворон и волк качались в её сознании, удерживая зловещими взглядами исподлбья, не давали упасть.

Ноги отяжелели, окаменели. Но белая льняная рубашка всё ещё билась на ветру. Жрец-ворон, торопя, протянул вперёд свой жезл с солнечными часами на верхушке, и ритмы убыстрились, кружение под ногами стало неразличимым.

Синь и зелень окружающего мира наливались соком стремительно созревающего расцвета.

Женщина запрокинула голову, мучительно раскачиваясь в каменной ступе своих ног. В последний раз оглядела она улочки просыпающегося посёлка у изножья холма, степь, серп реки, рассекающей её, и залив, на глади которого далеко-далеко мелькнул парус.

Вот бы унести туда!

Поздно. Совсем поздно.

На красивом загорелом лице глаза сияли отдельным светом. Они были светло-светло голубые, гораздо светлей яркой кожи!

Три тёмные маски, три древние личины склонились над девичьим лицом, будто скрывая от рассвета. Один из жрецов сложил руки красавицы чашей, и они тут же оплыли камнем. Каменным стал младенец, каменными стали ещё недавно подрагивающие плечи, тяжело оплыло и стало каменным лицо.

Всё было кончено.

Жрец-ворон, торжествуя, поднял свой жезл навстречу розовеющему восходу. И первый луч коснулся стрелки его солнечных часов. Острая тень пересекла окружность. Рычание и шипение были ответом на его горловой вороний клёкот: «Ещё одна!»

Когда солнце уже совсем выкатилось, на вершине холма стояло грубое каменное изваяние лицом на восток. В нём с трудом угадывались очертания тонкой женской фигуры с ребёнком. В чаше рук – жертвенная кровь голубки, пушистым комком валяющейся тут же. На изножье издевательская надпись: «Жёнам, чьи взгляды текучи, как белая вода».

Всё это в центре треугольника из неведомо как принесённых сюда камней.

Тан-Аид

1

Статус колонистов обязывал вести себя с достоинством, не обнаруживая вскипающее нетерпение.

Поэтому, очень стараясь не суетиться, преднамеренно медленно греческий парусник миновал величественную четырёхгранную башню маяка и красивым росчерком вошел в гавань Тан-Аида.

Малочисленная команда споро управлялась с парусами. Бласт весело помогал. Ему до такой степени надоело болтаться между небом и землёй, что даже земли бога Смерти уже не пугали. Особенно после череды странных смертей молодых мачех там, на далёкой родине. Нет, Блуста никто и никоим образом не связывал с этими смертями. Тем более, что он бывал болен, очень болен именно в эти самые дни. Но взгляд отца становился всё задумчивее, а одежды лекаря – всё богаче. Слуги же шарахались от Блуста, как от чумы, а на улице вслед неслись такие нелепицы, что он не знал уже: злиться или смеяться.

Бласт твёрдо решил на новых землях начать новую жизнь (лекарь уверен был, что это возможно!), и наконец-то оправдать ожидания отца.

Раб, подаренный отцом и мачехой, старательно пыхтя, собирал их вещи. Странные пугающие татуировки на его ссохшемся теле скрыл серый хитон из грубой посконной ткани.

Гребцы взялись за вёсла и подогнали судно к пристани. Выбросили якорный камень, укрепили причальный канат за специальную чушку.

Берег пестрел встречающими.

Богатая греческая колония на берегу тёплого судоходного Амазонского моря привлекала множество торговцев из разных земель.

Вот китайцы, свернувшие в земли Тана со своего знаменитого шёлкового пути у приморского городка Фазис. Только они привозят сюда атласные шелка и изумительно тонкие листы, не виданные в Элладе – бумагу. Можно попробовать заработать на этом чудном товаре!

А это персы. Их скакуны отличаются от коней местных кочевников так же разительно, как люди отличаются от животных!

Невозмутимые великаны – варяги торгуют своим талантом корабельщиков. Танаиды сами не строят суда. Зачем? Варяги делают это быстрее и лучше, только плати!

Белые одежды греческой общины украшают причал, веселят глаз и сердце. Оказывается, не такие уж это неродные края, раз их так встречают соотечественники!

Мелодичными шероховато-металлическими звуками сорокострунного эпигониона пьянят сердце чарующие напевы Эллады, наполняют детским восторгом ожидания свершения чего-то главного в жизни!

Бласт распрощался с тоской и поверил, наконец, что в его жизни наступает новый этап! На этой светлой и весёлой земле просто нет места мрачным обстоятельствам его жизни! Здесь он покажет, на что он способен! Он ещё удивит отца, покажет характер!

Рядом, чуть поодаль от греков, стояли группами влиятельные танаиды. А дальше... Сердце Блуста так и затрепетало навстречу прелестным юным девам в белейших одеждах, перетянутых кручеными поясами. Это были они, те самые, которые им уже встречались на крутом берегу!

Пояса были грубоваты. А девы нежны, светлоглазы и дивно хороши!

Но Бласт тут же одёрнул себя: он начинает новую жизнь с заботы о карьере. Нужно не просто хорошо, а отлично выполнить поручение отца, и привезти в Афины по-настоящему ценный

груз. Тогда его ждёт ответственный пост. Тогда и можно будет открыть своё сердце привлекательным девам. Их и в Элладе немало!

Бласту очень хотелось выглядеть солидно. Но первые шаги по причалу дались с трудом: в ногах продолжалась качка.

2

При взгляде на воду Блеста всё ещё немного подташнивало и подкруживало.

Вот и сейчас. Пространство впереди вильнуло и ...вдруг косо опало фалдами, словно потерявший ветер парус.

А перед глазами встало странное судно. Лодка – не лодка. Узкое строение, похожее на шель. Откуда взялось? Вроде, подходили к причалу одни...

Изнутри поднялся странный человек. Весь белый. Будто обесцвеченный. Никакой. Но огромный.

Уверенным движением набросил на плечо волчью шкуру. Стянул меж собой полосы, некогда бывшие волчьими лапами. И ловко, почти беззвучно выбрался на причал. Ветер длинными нитями разбросал по плечам волосы – то ли белые, то ли седые. Он встал в позу, храбрысь. Видно, абсолютно уверен был в собственном боевом искусстве.

Танаиды, не веря своим глазам, воззрились на наглеца. Говор запорхал по берегу.

– Кто такой?

– По виду – северяк! Гля, совсем бесцветный!

– Смотрите! Он в волчьей шкуре! А-ах!!!

– А где это он добыл волчью шкуру?

– Спроси лучше, как смел он явиться в ней сюда? Это вызов! Прямой вызов! – множество лиц враз обернулось. Положение создавалось угрожающее.

– Может, он не знает, в чьи края прибыл? – женский голос выразил слабое сомнение. Но ему не дали шанса.

– Взгляните на его рожу, он похож на заблудившегося?

– Так что, он хотел оскорбить? Нас? – Руки потянулись к ножам.

– Он что, ненормальный – встать один против стаи танаидов? Не может быть! Не бывало такого!

Танаиды придвинулись к незнакомцу. Ещё миг и... Все ждали лишь малейшей провокации от чужака, чтобы наброситься.

Только присутствие судна из самой Эллады и торжественность встречи сдерживали от учинения скорой расправы над смутьяном.

Однако чужака несколько не огорчил открыто враждебный приём. Он наслаждался всеобщим вниманием и не остерегался ничуть.

Он вытянул губы трубочкой и дунул в сторону бездомного побирушки. Вокруг того немедленно заплясали завихрения дорожной пыли.

– Эй, криволапый! Проводи-ка меня к вашим жрецам!

Похоже, знал, куда попал. У встречающих поубавилось агрессивности.

– Так он к жрецам! – И все остыли и отхлынули.

Хотя понятности новая информация не прибавила, но теперь можно было сколько угодно мучаться догадками, а притронуться к ненавистному мускулистому телу, под беспомощно свисающей волчьей шкурой, уже было нельзя! Можно было только жечь, жечь, жечь его взглядами! Засушенный оскал волчьих зубов на плечах приезжего теперь смотрелся бессильно, ничемно...

Чужак перегнулся через борт своей лодки и, крикнув, подхватил двойную перевязь из рыбацкой сети. Рывком вздёргнул её на плечо. Сзади и спереди оказалось по связке ...черепок. Волчьих, птичьих и человеческих. Больших и малых. И не все они были старые...

Танаиды отшатнулись.

Чужак торжествовал, скалился, похихатывал. Сплюнул по-хозяйски в воду и, погромыхая странной поклажей, двинулся вслед за своим лебезящим провожатым...

...Бласт со стоном сжал виски: болезнь не отступила, не осталась за морем, приползла с ним сюда!

Это был чужак из его болезненных видений!

Но там, дома, он гнезвился в снах и скручивался, увядал от дневного света. Здесь, на чужбине, он притащился въявь! И нет рядом тех, кто спасал от него: ни отца, ни лекаря!

И ещё: только теперь Бласт рассмотрел чудовище. И ему стало по-настоящему страшно: он будто в зеркало взглянул.

3

Городок Тан-Аид казался хорошо подготовленным ко всяким враждебным неожиданностям: высокий частокол, оборонительные валы и рвы должны были отлично защищать его жителей.

Седой медлительный эллинарх, глава местной греческой общины, оказал честь лично ввести их в городские ворота, увенчанные причудливым символом: силуэтом дракона на трезубце, обращённом вниз!

– Все это побережье – греческие земли, и посвящены они Богу Смерти Тану. Никто в отеческой Элладе не поклоняется ему, не приносит жертв, не возжигает курений. Эта великая честь принадлежит только нам, греческой колонии! – гордо пояснил он, шествуя величавой поступью хозяина.

– Впрочем, верховенствует здесь, как и везде в мире, триада богов: Неба, Воды и Подземья. Каждому из них молится отдельный город: Город Солнечного Ворона – Тан-Таган, – эллинарх с полупоклоном указал в одну сторону побережья.

– Город Серебряного Змея – Тан-Амазон, – взмах руки и полупоклон в другую сторону. И с гордостью и особенной значительностью:

– а в центре – наш город – Тан-Аид, Город Реальгарового Волка. Потому трезубец с крылатым волкоголовым драконом – символом, объединяющим трёх богов, венчает ворота именно нашего города!

У Блуста, старающегося незаметно опираться на руку слегка обеспокоенного Долиха, не появилось вопроса, при чём здесь волк. Ведь он был из самой столицы, из Афин. А волк – это животное, посвящённое богине Афине, весьма почитаемой греками.

Ну а месторождения ядовитого реальгара были только в Греции и в Тан-Аиде, больше нигде в мире. Это знак уникальности!

Реальгар – верный спутник золота. Греки использовали его при изготовлении особо прочной бронзы и особо осветлённого стекла.

Но ещё больше ценили реальгар убийцы-отравители.

Греческие фармацевты, торгующие мышьяком во всех странах, куда ходили греческие суда, очень ценили в качестве отличного сырья рыжий реальгар, доставленный прямым из Земель Бога Смерти.

Всё это было бы чистой теорией, если бы не одна деталь, которой не знал здесь ни один человек, кроме самого Блуста. Все его не собирающиеся покидать этот мир молодые мачехи приняли смерть именно от реальгара.

4

Долих ещё расспрашивал элинарха о Солнечном Вороне и Серебряном Змее, так что Бласту, занятому своими мыслями, только оставалось поддакивать и кивать.

Ох, ненадолго же хватило ему безмятежности! Мечты о новой жизни резко покачнулись от одного упоминания реальгара. А он-то, дурак, размечтался, что его прошлое не дотянется сюда. Всенародное упоминание о ядовитом реальгаре было подобно обличению его, Блеста, тайного порока. Да ещё это белёсое чудовище, так похожее на него самого, прежде являющееся ему только в бредовых видениях. Здесь же оно выперлось воочию, да ещё похохатывало! И почему оно пошло к здешним жрецам? С какой стати?

– Постой! – возразил себе Бласт, – ты говоришь о нём как о реально существующем человеке. Но именно ты лучше других знаешь, что он из твоего болезненного бреда! Его не существует!

– Если его не существует, то почему его видели все на пристани, а не только я? И даже хотели накинуться и растерзать! Уж это-то не могло мне привидеться! – Бласт был в растерянности. Ему срочно нужен был кто-то уверенный в себе. И в нём, Блесте. Нужен был друг.

– Долих, слушай, ты видел такого странного северяка со связкой черепов здесь, на пристани?

– Ха! Этого что ли? Долих наклонил голову приятеля к водной глади бассейна. Из воды на Блеста смотрел ...точно тот «чужак». А в поднятой руке – «связка черепов»!

– Хватит дурачиться! – капитан отобрал у приближенных юнцов перевязь с узорчатыми горшками, привезёнными для продажи, – товар хрупкий, я берёг его всю дорогу не для того, чтоб вы раскололи его прямо здесь!

Тем временем на пристани нарастал покупательский ажиотаж.

Уже вынесены на берег и открыты ящики с подарками, представляющими привезённые сегодня на обмен товары. На подставку помещены амфоры с прекрасным греческим вином и оливковым маслом.

Элинарх, окружённый свитой, растроганно касался пальцами тёплых боков амфор, помеченных по-гречески. Это был для него желанный привет с далёкой родины.

Сундук с серебряной посудой вызвал всеобщее восхищение. Чаши с фигурными ручками по бокам и высокие кубки для вина, парадные блюда, сработанные греческими мастерами, богато украшенные сценами из жизни богов и людей – всё радовало глаз!

Прелестные гречанки Тан-Аида не смогли сдержать эмоций при виде изящных женских подвесок и колечек с сердоликом, бирюзой, кораллами; витых браслетов, украшенных эмалью по последней моде. Серебряные копоушки и ногтечистки были вынуты из шёлковых чехольчиков. Бронзовые и серебряные зеркала сияли то ли от солнца, то ли от обилия счастливых женских лиц.

Архонт, возглавляющий общину танаидов, был так же дремуче бородат, как они, с волосами, заплетёнными сзади в длинную тугую косу, в домотканых одеждах, но с богато украшенным оружием. Оживился бородач только однажды: когда ему был преподнесён в знак уважения кинжал в изукрашенных золотом ножнах греческой работы.

Когда он протянул руки, с достоинством принимая дорогой подарок, Бласт обратил внимание на его перстень с головой оскалившегося волка. Перстень был сработан чисто: стало быть, человек этот очень не прост, несмотря на простую одежду!

После того, как контакты с людьми были налажены, настало время возблагодарить богов за благополучно завершённое путешествие.

Жертвенных ягнят подогнали к алтарю с изображением трёх богов: Неба, Воды и Подземья. Разместились вокруг алтаря, вымыли руки. Подняли кверху ячменные, пшеничные, овсяные и льняные зёрна, рождённые этой щедрой землёй.

Жрец-грек громко молился с воздетыми руками:

– Боги, преклоните слух к нам, приносящим обильную жертву, услышьте нашу благодарность, смирение и почтение! Даруйте своё высокое покровительство на нашем дальнейшем жизненном пути!

Так же стали молиться другие греки. Жертвы были осыпаны зёрнами. Потом им подняли шеи вверх, закололи, спустили кровь, содрали кожи, вырезали мясные куски, отложили в сторону. А остовы обложили их же жиром, сверху положили кусочки мяса и сожгли на дровах, окропляя красным вином. Всё как в родной Элладе!

Единственное, что смутило Бласта – неподобающее поведение местных жрецов во время жертвоприношения греческим богам.

Да, поселения танаидов позволено считать себя под покровительством волка, ворона и змея. Но это не значит, что они должны забыть, каким греческим богам посвящены эти животные! Главными для жрецов должны оставаться греческие боги! Это греческая колония!

А они были невнимательны и неуважительны. Постоянно переговаривались – заметить это не мешали даже их закрытые лица.

Пока Бласт смолчал, но для себя решил присмотреться.

Их одежды – совсем не по греческому обычаю – были темны, а головы покрыты непрозрачными чехлами из конского волоса.

– Ты напрасно тревожишься, дружище, – Долих всмотрелся в лицо приятеля, – я ведь тоже предпочитаю чёрный. До сих пор тебя это не заботило!

– Меня заботит не цвет.

– Вот и отлично! Гляди веселей!

– Здесь жрецов почитают как хранителей Времени. И они умело поддерживают свою таинственность и кичатся этим. В каждом посохе у них часы, – Бласт медлительно цедил слова, сам не понимая, к чему ведёт. – Даже на этой площади песочные часы медленно струят крупинки цвета ядовитого реалгара.

– Это да! Отсчитывают то ли жизнь, то ли смерть...

Бласт пока не стал уточнять: жрецы беспокоят его потому, что его личный ужас, чужак из болезненных видений направился именно к ним.

5

Городок хоть и был посвящён богу Подземья Аиду и нёс в своём названии имя бога смерти Тана, но в день празднования середины лета был оживлён, зелен и на удивление даже весел!

В общем, этот край был совсем не похож на жуткий край земли, которым всех так пугают в родной Элладe!

Небесный свод был ярок и высок. Кучевые облака, казавшиеся с утра тяжёлыми, давящими валунами, разбежались, как стадо вольных барашков. Солнце ласкало светом и теплом. Но самое главное – здесь были явно рады гостям! Вокруг было столько улыбающихся лиц!

Бласт усилием воли придушил свою тревогу и тоже, под влиянием Долиха, нацепил на лицо улыбку.

Греческое население с почётом принимало их как родных: с возложением на головы почётных венков из душистых веток дикой маслины и услаждением слуха греческой музыкой. Девы в белых одеждах с греческим орнаментом танцевали для них.

Танаиды искренне гордились своим городом и с удовольствием показывали, как удобно он устроен!

Местный архонт округлыми жестами показывал ямы-хранилища с ячменем и пшеницей, просом и льном. Специальные сараи до самых камышовых крыш были заполнены мешками с сушеной рыбой. Особенно поразили гостей своими размерами рыбозасолочные ямы. И их уверили, что в соседнем Тан-Амазоне размах ещё больший!

Греки как врождённые мореходы смогли оценить по достоинству и запасы конопляной пеньки и канатов из неё. Богатый край! Обильный край! Путешествие обещало быть успешным! Особенно в части продовольствия!

– А как дело обстоит с рабами? – Бласт усиленно демонстрировал деловитость, усиленно отгоняя мысли, которым не должно быть места в его новой жизни.

– Рабы будут! – заверил их бородатый архонт, переглянувшись с другими такими же бородачами. – Договор с Тан-Амазоном уже есть!

6

Центральная площадь Тан-Аида с дорожками, аккуратно вымощенными черепками битой посуды, была предназначена, в общем-то, для торговли и городских сборов. Но сегодня здесь были накрыты столы в честь праздника и дорогих гостей. Разнообразные керамические блюда и сосуды были заполнены щедрыми дарами этой богатой земли.

Поодаль уже жарились на вертелах куски мяса, срезанные с жертвенных ягнят. На столах красовались запечённые рыбы гигантских размеров. Вкусно дышащей горой лежали свежеспечённые хлебы. От трав, корней и плодов пестрило в глазах.

Гостеприимные танаиды с искренне доброжелательными лицами метались вокруг столов, только мелькали их просторные рубахи и штаны из белёного холста.

Развлекали гостей разговором хозяева поавторитетней, нарядившиеся, несмотря на жару, в короткие суконные кафтаны, украшенные золотыми и серебряными бляшками с изображением волков, по-человечьи повернувших голову. Бласт знал, что шея волка устроена так, что голову он может повернуть лишь вместе с корпусом. Эти же, отлитые в профиль, бесцеремонно смотрели прямо в глаза. Впрочем, мысль об этом он тоже счёл недолжной и, вышвырнув пинком из своей головы, с улыбкой прислушался к хозяевам.

– Наши друзья из прекрасных Афин заслуживают лучших мест! – торжественно провозгласил седовласый эллинарх, и Бласт с другом был с почётом усажен в центре на застеленные овечьими шкурами помосты.

Чёрный уродливый раб, от которого танаиды сперва шарахались, а теперь просто с осторожностью обходили, невозмутимо уселся у ног хозяина на солому.

Кое-кто из танаидов, кому не хватило мест на помосте, тоже принесли с собой тюки соломы для сиденья. Они мастерски обращались с ножами во время застолья и искренне веселились, наблюдая, как раб пугливо сторонится их клинков.

Бласту же не терпелось задать эллинарху главный вопрос, волнующий его на протяжении всего пути в земли Тана.

– А скажите, как живётся людям в краю Бога Смерти? Ведь есть же что-то противоестественное, когда живые поклоняются Богу Смерти?

– Жить на этом или на том берегу моря, или через два моря отсюда – какая разница? Для Бога Смерти это не расстояние, он вездесущ, – эллинарх был настроен философски. – На то он и Бог! Умирают люди везде. И в этих землях ничуть не больше, чем в Элладе! – эллинарх с энтузиазмом поднял за здоровье дорогих гостей кубок с долгожданным греческим вином.

– Но жить в городе с названием Тан, ловить рыбу в реке, называющейся Тан, воскурять благовония перед изображением Тана – в этом мало радости! А как людям жить без радости? – не мог уговориться Бласт, хотя вокруг него было столько радости, что ответ он мог бы найти и сам.

– Всё идёт от понимания необходимости баланса жизни и смерти. У здешних жителей оно есть. Не случайно у наших женщин существует традиционное украшение – гривна: тонкое, почти завершённое кольцо вокруг шеи с двумя камушками, белым и чёрным, на ключицах.

Бородатый архонт с энтузиазмом подозвал пробегающую мимо танаидку, чтобы гости смогли вблизи рассмотреть её гривну.

Девушке лестно было внимание эллинов, и особенно красавца Бласта. Долиха это задело. Он тоже был бы не прочь стать объектом женского внимания. Но проявить интерес не посмел – кто их знает, этих дикарей, какие у них обычаи! Надо пока присмотреться, а там будет видно...

– Вот она, гривна, традиционное украшение женщин этого края. Чёрным и белым камнем по краям она показывает важность равновесия жизни и смерти в мире, – архонт отпустил девушку, и та убежала, лукаво сверкнув глазами и улыбкой.

Архонт Тан-Аида встревожено взглянул на свой перстень и быстро опустил руку. Потом украдкой оглянулся, ища кого-то в толпе. Тревожность так не шла к его облику вальяжного хозяина, что Бласт встрепенулся: что-то пошло не так!

Но тут же отвлёкся.

Праздничный стол был поистине роскошен. Такого греки не видывали в Элладе. В середине было поставлены огромные серебряные блюда с алыми горками раков, выложенных на пучки пряных трав. В кубки налито прохладное, из погреба, пенящееся ячменное пиво.

Раков доставали из рядом установленных бронзовых котлов высотой с полчеловека. Котлы, с удобными ручками по бокам, опирались на прочные стержни. Да ещё вдеты были в массивные треноги. Удобнейшие приспособления!

Женщины привычно поддерживали под ними невысокое пламя, ловко управляясь с тяжёлыми блюдами.

Греки-колонисты, будто извиняясь, что изменили вкусу тонких вин отечества и поддались грубым нравам аборигенов, показывали гостям, как лучше управляться с раками, которыми так славились земли Тана...

7

Бласт напряжённо осваивал науку извлечения из раков их вкуснейших шеек, поэтому пропустил начало странного разговора, очень неуместно вспыхнувшего за праздничным столом. Подслушивать не относящееся к тебе непосредственно – было бы проявлением невоспитанности, поэтому пальцы его продолжали овладевать аккуратной разборкой рачьих панцирей в то время, как слухом он невольно тянулся в сторону говоривших.

– Скажи, это правда? Это она? – допытывался нервный молодой голос совсем рядом, прямо за цветущими кустами шиповника.

– Ты говоришь с отцом! Не повышай тона! – гудел в ответ раздражённый бас, так похожий на голос танаидского архонта. Но Бласт не был уверен: подобных интонаций он и подозревать не мог у этого степенного человека!

– Отец не станет называть сына ненужностью! Ты не отец мне!

Окружающие Бласта возбуждённые голоса пирующих порой перекрывали этот диалог. Тогда Бласт решился подняться, сделав вид, что потянулся за очередным алым раком. Но сколько он ни вытягивал шею, так и не понял, кем были эти враждующие собеседники. Особенно мучительным было припоминание старого голоса. Знакомого, но никак не определяемого!

– Вот как ты заговорил, как только отыскал иной источник пропитания! Пока кормился с подачек – молчал и терпел! – старик напоминал Бласту собственного отца. Может, поэтому так не терпелось ему взглянуть в лицо говорящего. Пришлось потянуться за кувшином, налить и выпить ядрёного ячменного пива.

– Вот именно: с подачек! Ты всегда ненавидел меня, не считал своим за цвет моих глаз! И Климену мою загубил за это же! Вместе с ребёнком! Я всё знаю! – безжалостно сёк молодой.

– Бесноватый! Ты всю жизнь был Бесноватым! Я так и не выбил из тебя эту дурь! Какая Климена? Какой ребёнок? Убери руки, или ты пожалеешь о своей несдержанности! – захрустели сброшенные и раздавленные миски и кружки. Раздались окрики и призывы, топот ног и шум окороченных давкой движений. Но стена гостеприимных танаидов по-прежнему прочно скрывала от гостей свой маленький конфликт. Бласт снова попытался, приподнявшись, проделать какие-то манипуляции с кувшинами и стаканами. Но тщетно, он так и не рассмотрел говорящих!

– Степняки не могли обмануть! Я пытал их в стаканах гируд! То, что осталось от них, заживо пожираемых гирудами, не могло обмануть!

– Несчастный! Именно в таком состоянии человек способен сказать всё, что ты пожелаешь услышать, лишь бы избежать мучений! Я не трогал твою Климену! Я не рад был бы ещё раз породниться с ...на беду отмеченной богами породой. Но, ...боги свидетели, я ...не трогал её!

– Не призывай, лживый, богов!!! Что за тана с ребёнком появилась тогда на вершине дальнего кургана?

– А вот это ты молод ещё знать! Послужи танаидам с моё, тогда удостоишься!

– Ты врёшь мне! Ты продавливаешь собственные решения любым путём! Хитрый, лживый пёс! Она не хотела быть Белоглазой Таной! Это не её доля! Зачем, зачем ты так с ней? Ты же знал, что она нужна мне! – голос говорящего взвинтился до рыданий.

– Не тебе одному! Убрать его!

Раздалась короткая возня. Резкий вскрик, ржание прищипоренных коней, звуки погони... Потом – напряжённое указание музыкантам играть громче, громче!

«Приехал называется сменить обстановку, – с досадой подумал Бласт, – похоже, тут жизнь кипит ещё покруче моей! Какие-то „таны на курганах“! Слава богам, что ко мне это не имеет никакого отношения! К тому же, я дал слово отцу не вмешиваться ни в какие кон-

фликлы! Меня отправили сюда, чтобы от собственных печалей отвязаться, а не ввязываться в чужие!»

Очередная кружка ячменного пива помогла ему окончательно выбросить из памяти и загадочные смерти мачех, и свою болезнь вместе с образом жуткого двойника, и даже собственную просьбу к богу нечаянного случая Кайросу о переменах в жизни. Он устал болеть душой. Ему хотелось просто жить и наслаждаться жизнью.

Петал

1

Чтобы размяться после обильного застолья, все вышли по высокому мосту, пересекавшему западный ров, в поле, где танаиды соревновались в укрощении диких степных коней, несметными табунами пасущихся в этих плодородных степях.

Греки знали толк в верховой езде. Но они не решились оседлать этих низкорослых звероватых коньков, бешено выплясывающих под столь же звероватыми наездниками.

Персы бросали на местных коней презрительные взгляды. Но Бласт решил, что ему нравится всё: и бешеные скачки танаидов, и щедрый пир, и ритмичная пляска юных дочерей греков-колонистов. Он устал тревожиться и решил веселиться от души.

Тут на глаза ему попались таинственные девы в белых одеждах, перетянутых грубыми кручеными поясами. Кто они? Ни за стол, ни на танец их не позвали.

Они были. И в то же время их никто не замечал.

Тесной светлой группкой, тихо щебеча, они перемещались поодаль от толпы. Не отставали от неё, но и не перемешивались.

Привыкший брать всё желаемое быстро, Бласт не раз порывался напрямую направиться к ним. Но всякий раз его путь пересекали.

То приставал торжественный грек с кубком, которого никак нельзя было обидеть отказом. То перекрывал путь полудикий жеребец с полудиким всадником. И невозможно было им растолковать, что их забота уже вызывает досаду.

Разозлённый неудачей, Бласт вспомнил: с ним же кифара, и в этом его сила!

Мелодичные звуки любимого инструмента растрогали его самого, напомнив о родине, и придали голосу какую-то особую звучность! Как он пел!..

Как очарованная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Как наглядеться, я не знаю,
На ясный свет её очей.
Она – души моей столица,
Богов подарок-благодать.
Стремится тело ей молиться,
А сердце рвётся обожать...

Таких восторгов публики Бласт ещё не видывал!

Привычные к рычащим звукам варганов или к свисту глиняных корин, слушатели радовались так искренне, что он сам растрогался.

Но это совсем не помогло ему подобраться к таинственным девушкам в белом. Напротив, его опять начали усиленно потчевать, окружив шумным кольцом, из которого он уже отчаялся выбраться. Он оглянулся, разыскивая Долиха: может тот выручит?

Но Долиха разъедали собственные переживания.

Как ему хотелось искренне, как все эти танаиды, восхититься пением друга! Но едкая зависть отяжелела язык. Горечь собственной никчёмности и неудачливости съедала его. Почему так несправедлива жизнь? Почему одному и красота, и таланты, и богатство, а другому – только мыкаться всю жизнь? И противней всего жить за счёт друга, зависть к которому уже топит все остальные чувства! Как строить доброе лицо, когда душа, будто губка, отяжелела,

наполненная яростной ненавистью? И всё трудней сдерживаться, скалиться улыбкой в ответ на самоуверенность Блеста в том, что у него есть настоящий друг...

2

Тут воздух рассекли ритмичные позвякивания.

И танаиды повлекли накормленных-напоенных греков к центральной площади с песочными часами в центре. Таинственные девы тоже заторопились к центру площади! Наконец-то Бласт с ними познакомится! Девы суетились, зажигая кадила, расширяя круг. Их одежды были щедро украшены золотыми бляшками с изображением волка, повернувшего голову и совсем по-человечьи смотрящего в глаза.

На площадь шагнул высокий жрец в сером плаще с крупной волчьей маской на голове. Вокруг жреца собралось несколько таких же серых фигур в накидках из конского волоса, совершенно скрывающих лица.

Бласт почувствовал, что он многовато выпил пенного ячменного напитка. Руки и ноги пытались двигаться независимо от его желания. Но когда он увидел, как от налитой в жертвенник крови по каменному лицу бога смерти Тана скользнула судорога, он в ужасе протрезвел.

Поодаль спешивалась группа бородатых танаидов, вооружённых луками.

Несколько барабанщиков теснились к жрецам. Среди них выделялся один с барабаном в форме песочных часов. Бласту показалось, что обе барабанные формы, под правой и левой рукой, слишком похожи на человеческие черепа.

Именно этот барабан издавал какой-то особенный звук, стучащий прямо в глубину сознания. ...А то вдруг сложная система барабанных ритмических фраз складывалась в почти человеческую речь, в которой чередовались вопросы и ответы. ...

Начался какой-то странный ритуал: девы одна за другой после хриплого выкрика жреца снимали с шеи гривну, обвязывали её шарфом и подбрасывали высоко в воздух. А один из бородачей, почти не целясь, стрелой сбивал гривну. Сажал красавицу перед собой на коня и увозил.

Бласт не успевал крутить головой, не говоря о том, чтобы расспросить кого-то, что всё это значит. Тем более, что его ноги всё ещё продолжали жить своей жизнью...

С кубком в руке он подошёл поближе, чтобы ничего не пропустить.

3

Но вдруг его сердце качнулось, и всё остановилось...

Перед ним встало прелестное девичье лицо...

С глазами светлыми, как текущая вода...

Казалось, через них сквозит душа смуглой танаянки...

Она скользнула по нему невидящим взглядом и отвернулась. А он, уронив кубок, смотрел на неё растерянно, не слыша звона и не понимая, что происходит.

Потом он судорожно сглотнул и схватил ртом воздух. Потому что временно будто забыл, что нужно же и дышать!

С него стекло всё внешнее веселье и внутренние страхи. Стекли все звуки, запахи и пестрящие вокруг пятна.

Жила одна шумно пульсирующая в горле кровь...

и она..., ставшая его частью...

Нить её движений казалась привязанной к его сердцу. Оно так послушно повелось за ней! За каждым её шагом!

Одно только смущало: сосредоточенное выражение её лица. Что происходит? Что так тревожит её?

Это вдруг теперь стало самым важным!

А тайное действо тем временем продолжалось. И вот уже дева, что стояла перед ней, усилием бородатого богатыря взлетела в седло и тот, довольный, умчал свою добычу.

Теперь она, та самая, стояла впереди, приготовившись, будто настал её черёд.

– Петал! – прорычал жрец. Бласт с отчаяньем запустил пальцы в шевелюру. Ему показалось, что этот дикарь выкрикнул прямо ему в душу!

– Это её имя? – Бласт заметался от безысходности.

Девушка собралась было подбросить перевязанную тонким шарфом гривну. Но тут два танаида заспорили, кому первому стрелять. И вот уже луки опущены, а руки потянулись к ножам. Зрители сразу оживились, обрадовались: «Быть схватке!»

Однако жрец властным жестом остановил соперников и сделал выбор: кому первому претендовать на девушку. Второй недовольно заворчал, но подчинился.

Она подбрасывает свою гривну...

...Бласт в момент забыл, как долго и тщательно он себя настраивал быть рассудительным и не вмешиваться в то, что его не касается. Провожая глазами взлетающую гривну, он просто потерял способность соображать. Он забыл и отца, и свои обещания, и желание начать новую жизнь, в которой не будет места неосмотрительности, так огорчавшей отца.

Безумным прыжком он вскочил на ближайшего коня, рывком за талию вскинул Петал в седло перед собой, и вот они уже на мосту через ров.

Она пыталась было сопротивляться и удержаться за что-то. Цеплялась попутно за всё, что было рядом. Но не смогла противостоять его бешеному натиску! Тут конь вдруг остушился, свернул в заросли прибрежного ивняка и остановился, увязнув в мокром песке. Близкая погоня, прошумев листвой и звероватым гиканьем, ушла в сторону. Всё кипение страстей, в котором они только что варились, осталось за стеной плотной зелени. А здесь, в укромном затишке из свисающих веток, оказались только они вдвоём, на коне, понуро созерцающем свои увязшие ноги.

Она оказалась в руках приезжего грека. А у неё в руках зачем-то случайно схваченная гривна. Чужая гривна.

4

– Что ты наделал! – извернувшись и изо всех сил упершись в грудь Блуста, Петал спрыгнула с коня и кубарем покатила по мокрой траве. Потряса онемевшей рукой, «наверное, слишком сильно сжимала», повесила чужую гривну на ближайший куст шиповника, одёрнула, отряхнула одежду.

– Откуда ты взялся? Что тебе от меня надо?

Она торопливо завязала узлом длинный пласт растрепавшихся волос и исподлобья наблюдала, как грек, мастерски управляясь с конём, вывел его на твёрдую землю.

Её глаза казались белыми на фоне загорелого, раздумавшегося от бешеной скачки лица. Это было немного страшновато... Но он не мог оторвать взгляд от этих глаз! Разве такие бывают? Таких невысказанных глаз он не видел никогда! Бласт вспомнил вдруг тайное название этих земель, которое произносили шёпотом: «Край Белоглазых тан». Неужели это о таких, как она?

Но Петал не позволила ему даже предположить, что к ней можно приблизиться, настожённо выставив вперёд открытые ладони. На одном из пальцев сверкнул перстень с головой осклизшего волка.

– Кто ты? – голос звучал требовательно.

Под её светлым взглядом Бласт растерялся, что в его жизни бывало нечасто. Мысли шмыгали в голове, как мыши. Как представиться? Сказать, что выкрал её просто по привычке протягивать руку и брать всё, что понравилось, сам не зная, зачем? Простейший путь выставить себя дураком. Назвать имя? Оно ей ничего не объяснит. Но отпустить её от себя – вот такую, стоящую совсем близко – он был не готов.

– Я люблю тебя, – вдруг нелепо брякнул он, пытаясь удержать распявшегося коня и опасаясь, что выйдут в её глазах не лучшим образом. – Я сам не понял, что со мной произошло, будто ветром подхватило и понесло. Но знаю, что никак не могу уступить тебя тем, бородатым. Потому что ты нужна мне. Я люблю тебя, – повторил он, как будто это что-то объясняло.

– Меня нельзя любить, я тана...

К такому ответу Бласт не был готов. А девушка продолжала. И тон её ничуть не смягчился, как мог бы предположить Бласт из своего опыта.

– К этому ритуалу я готовилась всю жизнь. А ты всё испортил, – она по-звериному зло прищурилась, и её странные глаза сверкнули как замёрзшая вода. – Ты понимаешь, что тебя за это ждёт?

– О, наказание! – Бласт шутовски сморщился. – Только не пугай меня! – с наказаниями Бласт свылся, поэтому только отмахнулся и попытался приблизиться. Но услышанное далее охолонуло его.

– Это наказание – смерть. Ты что, уже готов к ней?

– Почему сразу смерть? А если я хочу побороться за тебя с теми бородатыми? Только я боялся упустить момент, потому и вмешался так резко. Прости, если это вышло грубо, если нарушил твои планы. Но я хочу участвовать!

– Это не соревнование, глупый! Как можно вмешиваться в порядки, смысла которых ты не понимаешь! Ты чужой здесь! Забирай свои товары и рабов и отплывай в свою Элладу! А нам здесь жить своим укладом! Любовь ко мне тебе не по силам! – девушка опустила глаза, и Бласту показалось, что она ушла...

Ему наконец удалось поймать её руку:

– Скажи, почему ты не хочешь, чтобы я поборолся за тебя? Ведь я совсем не хуже тех, которым это было позволено! И что такое «тана»? Почему это может мне помешать?

Она, пытаясь найти аргументы, имеющие силу вразумить этого безумного, остановила взгляд на его лице.

Бласт был красив, и частенько использовал преимущества своей внешности. Но почему-то впервые он не был уверен, что сейчас это ему поможет.

Волнение сделало его лицо неуверенным и даже просящим. Шапка круто выющихся волос, яркие, как греческие маслины, глаза, крепкая шея...

И всю эту красоту в костёр?

...Петал передрогнула спиной, как зверь, и, стараясь быть терпеливой, только открыла рот, чтобы заговорить, как взгляд её упал на ветку с висевшей гривной. Ветка уродливо засохла, оплыв серой коростой! Но почему? Ведь только что она сияла зеленью и розовым душистым цветом!

Петал осторожно, стараясь не продевать руку в гривну, взяла её. Судя по тяжести и сложному витому узору, это было не просто украшение, подобное её собственному, подброшенному в Тан-Аиде. Это была ритуальная гривна равновесия! И принадлежала жрецам.

Неровный чёрный «камень смерти» будто исподлюбя выглядывал на них из своего гнезда. Гнездо же парного белого «камня жизни» пустовало.

5

С облака, остановившегося над головой, на них вдруг чёрными хлопьями стало осыпаться множество воронов. Таких же огромных, как тот, что навестил судно, подплывающее к Тан-Аиду. С надсадными криками они набросились на Бласта и начали рвать его своими крепкими клювами. Однако девушку не трогали, явно сторонясь гривны в её руках.

Петал невольно бросилась на его защиту, и вот уже она размахивает гривной, от которой птицы шарахаются, как от оружия. Но вдруг она, сама того не желая, насадила гривну на одного из воронов. А тот, тщетно пытаясь стряхнуть ритуальную вещицу, отпрыгивал всё дальше, пока не упал замертво. Тут же, прямо из перьев, развалившись ... человеком в чёрных одеждах.

– О, ужас! Это жрец! Что я наделала!

Петал растерянно стащила с его шеи гибельную гривну, но было уже поздно. Жрец не подавал признаков жизни.

Бласт, в ужасе от жуткого превращения, хотел избавиться от страшной вещи, забросив подальше, но девушка вцепилась с неё мёртвой хваткой.

– Нельзя!

Тогда он замотал гривну в белый шарф и подвязал себе на пояс.

– Здесь она будет сохраннее, раз она тебе так дорога! А теперь – бежать! Бласту стало страшно при мысли о возможном наказании за убийство жреца. Тем более что вороны после этого с удвоенной силой набросились на них.

Петал поймала коня, и на миг Бласту показалось, что сейчас она сбежит. Но девушка с силой подтащила испуганно храпящее животное к нему и сама вспрыгнула позади.

Вороны, широко раскрывая клювы, выражали свое недоумение, почему она ему помогает? Она и сама этого не понимала – может быть, из-за гривны на поясе этого грека? Но в одном они были едины: убийство жреца, хоть и невольное никто им не простит! А значит, сейчас лучше исчезнуть!

Тем временем ветер нанёс тучи, и вороны начали метаться, как слепые.

– А-а, они не видят без солнечного света! – обрадовался Бласт.

– Да, это солнечные таганские вороны. Без солнца они слепнут!

Надо было срочно что-то решать. Ещё час тому назад Бласт сделал бы то, что первое взбрело бы ему в голову. Появление в его жизни Петал будто остановило безумное мелькание шальных мыслей в его голове, потому что важнее всего на свете для него стало – сберечь её! Укрыть от жрецов! Сберечь, а там – как будет!

Сделать это можно было только с помощью «Афона». Здесь, в этих диких землях для него это единственная частичка родины! Но парусник уже отправился под загрузку в Тан-Таган. Что ж, значит, им в Тан-Таган!

– Мы найдем спасение в Тан-Тагане, у тамошнего эллинарха Атея. Я хорошо знаю его, мы сталкивались в Афинах.

Бласт умолчал, что оскорбление именно этого человека послужило непосредственной причиной его ссылки.

6

Смерти Петал не боялась.

Приход смерти, как учили жрецы, был подобен прыжку из воздуха в воду или в огонь. Словом, из одной среды в другую. Это был просто переход, не более того.

В огонь ей прыгать не приходилось. Но прыжки в воду, кроме мгновенного «Ах!», совсем не пугали! Поэтому смерти она не боялась.

Мучило её едкое сожаление об отсутствии любви. Ей так хотелось полюбить кого-то так, как любили друг друга её родители!

Однажды она с отцом поехала перегнать отару на другие пастбища. Путь их был через Беловодье.

Беловодье в землях Тана занимало особое место. Это был источник белой, оживляющей воды, без которой танаидская исцеляющая чёрная не имела смысла.

Беловодцы осознавали свое значение.

Их город купался в зарослях самых разных шиповников. Их женщины носили не гривны, а ожерелья из шиповника – кто золотые, кто серебряные, а кто просто из засушенных алых плодов. Их обряды были совсем иные, чем в городах Тана. Плодовитый жизнеспособный шиповник был их символом.

Петал с интересом смотрела на девушек из Беловодья. Они были весёлые, смешливые – не такие, как она и её подруги. Но ещё более «не такими» ей казались беловодские парни.

Сердце её вздрагивало, щёки алели.

Однажды красивые парни, увидев её, остановились, засмотрелись, даже двинулись было к ним, чтобы заговорить. Один из них протянул ей нитку с яркими бусами шиповника...

Но тут другой, всмотревшись ей в лицо, толкнул друга: «Брось, это же тана!» И их интерес мгновенно угас. Ни улыбки, ни сожаления, ни разочарования.

Она просто перестала существовать для них.

Слёзы брызнули у неё неожиданно. Отец испугался. Но она сказала, что больно укололась веткой цветущего шиповника, пахнущего сладко-сладко.

Отец долго утешал её. Говорил о её высоком предназначении таны, об уважении танайдов. Говорил не своими словами, а словами жреца. А свои слова, невысказанные, замирали на его губах.

– Жизнь, дочка, как крутой обрыв, с которого каждый день осыпается земля. И тут уж ничего не поделаешь.

В отчаянье она разорвала подаренную нитку с ярко-красными ягодами. И до сих пор видит, как долго они рассыпаются по белому песку...

Из всех слов отца тогда она услышала только одно: ей нельзя любить, у неё должно быть каменное сердце. Она Белоглазая тана.

Смерти она не боялась.

Она боялась умереть до любви. Но любви всё не было. Никто из соплеменников не осмеливался даже помыслить о таком кощунстве.

И она выстраивала свою готовность к смерти на осколках мечты о любви.

И вот, когда она совсем справилась и почти вырастила эту свою готовность, в её жизни появился Бласт. Свалился на неё, как камень с того самого крутого обрыва, о котором рассказывал отец!

И осколки зазвенели... И проросли диковинным противоречивым чувством. Нужно ли было это чувство ей теперь?

Петал оказалась в ужасном, совершенно безвыходном положении. Раньше впереди ей обещалась смерть, но это была почётная смерть, с мыслью о которой она уже свыклась!

Сейчас ей грозил позор, что по традициям танаидов, – страшнее смерти!

Но в душе её всё равно беспричинно плескалась радость.

Ей вдруг стало так легко и интересно жить, как выздоровевшему зверю, ещё недавно обессиленному и всеми оставленному, забытому. А теперь тревога убежала из сердца. И она ощущала, что нет на свете такой заботы, которая бы победила эту её радость!

Вечность

1

Вскоре они, под прикрытием тучи, сопровождаемые стаями бестолково галдящих воронов, были уже на мосту, ведущем в Тан-Таган.

Стражи, ошалевшие от бешеного гвалта, не поняли, закрывать или, напротив, открывать ворота... И просто... не среагировали.

Беглецам удалось проскочить в город и узенькими проулками, под навесами и виноградным плетеньем, потеряться от погони.

С налёту они миновали несколько кузниц на окраине, в которых мастера работали с железом и лили бронзу.

Ювелирные, косторезные и керамические лавки уже закрывались, и умельцы собирались домой, мечтая об ужине за столами во дворах, среди вечерней прохлады.

Сквозь дверные проёмы домов виднелись локтястые ткацкие станы, на которых таганы ткали из льна и конопли и здесь же вывешивали свою работу на продажу. Гигантские полотна, предназначенные для парусов, сослужили беглецам службу, скрыв от воронов, мечущихся в небе.

Сторонясь старух, продолжающих безмятежно прясть шерсть, с трудом окорачивая задёрганного жеребца, Бласт выбрался на центральную площадь, расположенную на самой высокой точке города. Она была пустынна и головокружительно красива, словно ладонь, поднятая в небо.

С высоты им открывался изумительный вид на окружающую степь! Ярко-фиолетовые тучи в окружении белых и сиреневых облаков будто дышали и неустанно действовали! Солнечный свет порой прорывался сквозь облачность, перьями плотно устлавшую всё небо. Тончайшими иглами пронзал он воздушные пласты. Но только вороны бросались к нему, чтобы напиться светом, как очередная туча затеивала разворот, и луч истончался.

Беглецы доскакали до солнечных часов, установленных посреди площади, и остановились в растерянности: куда дальше?

Где-то рядом, в центре, должен быть дом эллинарха. Но где?

Стоило им только миг помедлить, как вороны вместе с солнечным лучом набросились на них. В бешеной схватке Бласт крутился волчком, отбиваясь от мощных птиц. Он старался отбрасывать их, не убивая: кто знает, стоит ли усложнять себе жизнь? Петал отбивалась за его спиной.

– Нужно продержаться до заката! Сумерки нас спасут!

Солнце почти завалилось за крыши Тан-Тагана, но всё ещё рассекало воздух косыми лучами. Вороны пикировали всё более яростно, выдирая клочьями куски тела вместе с одеждой. Бласт обливался кровью, но на вскрики Петал реагировал мгновенно, заслоняя её.

– Осталось немного, держись, милая! Скоро закат!

Не услышав ответа, обернулся: Петал рядом не было! Но из бешеного клубка, облепленного растрёпанными чёрными птицами, выпала ...окровавленная волчица с рыжими, будто песчаными подпалинами!

...А стая обессиленных воронов в розовых пока ещё сумерках хлопьями осела на кроне соседнего тополя, оставив нескольких своих собратьев беспомощно трепыхаться на земле.

...Бласт в ужасе смотрел на лежащего перед ним зверя с закатившимися светлыми глазами, так похожими на глаза Петал (но этого ведь не может быть?!) – и не знал, что делать.

Пока он предавался отчаянью, ...чьи-то руки в чёрных перчатках затащили волчицу в ближайший дом, будто приглашая и его. Мелькнул тёмный плащ...

– Долих! Это ты? – его друг обожал чёрные одежды и так нужен был Бласту теперь! Но чёрных перчаток у него не было...

Тёмная тень, мелькнув, растворилась в глубине дома.

2

Окровавленная волчица беспомощно лежала на ковре посреди комнаты. Казалось, жизнь замерла в ней, как песчинки в часах. И он боялся стронуть их, боялся, что утекут безвозвратно.

Даже такая, окровавленная и измятая, она была очень красива. Яркие подпалины цвета реалыгара навели на мысль о мышьяке и о смерти. Это мысль была отвратительна, и Бласт пинками вышвырнул её из своего сознания.

Но другие были не лучше.

Он никак не мог уместить в своей голове мысль о том, что эта волчица и есть его Петал! Бласту стало страшно: а вдруг это его домашняя болезнь вернулась, раз ему снова видится невозможное?

Дома таганов имели странное свойство – быть связанными между собой бесчисленными переходами. И Бласт почти не удивился, увидев рядом Атея.

Сначала с облегчением (значит, это не он сошёл с ума!), потом с отчаяньем он воспринял откровение эллинарха Тан-Тагана о способности некоторых здешних жителей принимать звериный облик. Белоглазая волчица лежала перед ним как подтверждение, поэтому Бласту легко было отмахнуться от мысли: «Невозможно!»

Только что теперь с этим делать? Ведь волчица была так истерзана, что явно нуждалась в помощи!

Тем временем Атей нервно ходил взад-вперёд и говорил, говорил. Будто за шелухой слов пытался скрыть своё отвращение к Бласту, к необходимости выручать соотечественника, шутки ради когда-то пытавшегося опорочить его жену.

– Ты, как всегда, безрассуден! Тебя зачем сюда послали? Разве за этим? Ну, скажи, зачем? Зачем тебе понадобилась тана? Гладить по загривку?

Он бодро отпрыгнул от кулака Бласта, чего нельзя было ожидать при его властном облике.

– Лучше помоги, чем вгрызаться сейчас! – взъярился Бласт. – Ты здесь для чего? Чтобы оказывать помощь эллинам! Я эллин! Такой же, как ты! Ты помнишь это?

Атей нахохлился, дыша тяжело и злобно. И Бласт при всём своём легкомыслии сообразил, что ведёт себя нерационально. Ему нужна помощь, а он, дурак, множит врагов!

– Прости за мою глупость в Афинах! – буквально выдавил из себя бедняга никогда не произносимые слова. Он чувствовал, что за Петал был готов загрызть кого угодно! Озвереть, если невозможно очеловечить её! Но сейчас понадобилось другое: он сменил тон, и «на брюхе, скуля и повизгивая, униженно подползал, умоляя о милости»...

Атей фыркнул: воспоминания об оскорблении, нанесённом этим малахольным, были ещё пока болезненны. Но Бласт выглядел так униженно и жалко!

– Помоги, Атей! Прости великодушно за нанесённое оскорбление! Если не можешь простить меня, помоги только ей! Она стоит того. Она ведь не отвергла и даже защищала меня от твоих воронов! И видишь, что вышло? Не могу же я после этого бросить её! Помоги же нам! Прошу тебя! Я не верю в случайность нашей встречи. В последнее время в моей жизни всё сплетается будто подневольно: я говорю не то, что планирую, и делаю не то, что считаю правильным. Меня будто ветром несёт по жизни...

– Вот и я о твоём легкомыслии...

– Нет, это другое! Мной будто говорят! Мной будто действуют! Я очень остро ощущаю подневольность некоторых событий своей жизни. Невозможных событий! Я думал, это легенды... А они, эти местные, – в самом деле ...превращаются!!! Это не умещается у меня в голове! Это ведь не потому, что я болен? Ты тоже видишь это?.. – Бласт указал на бессильно распластавшуюся волчицу.

Атей, несколько растерявшийся, оправил одежду. Он не ожидал от Бласта, каким он знал его ещё в Афинах, чего-то подобного. Он вообще не ждал искренности и был не готов отвечать на неё.

– У тебя только три дня, чтобы Петал могла вернуть себе человеческий облик. Потом превращение станет безвозвратным. А для этого нужно привести её в сознание. Быть зверем или человеком – это добровольный выбор.

– Как? Как это сделать? Ты знаешь? – Бласт бросился к нему, пытаясь встать на колени, но эллинарх рывком усадил его на сундук и сам сел рядом.

– Я не знаю, – отчеканил он. – Но знаю, кто это знает. Рядом есть посёлок. Сами жрецы называют его Вечность. Постой!..

Бласт уже рванулся бежать, но потом осел.

– Войти туда непосвящённому невозможно, – ледяным тоном продолжал Атей. – Ты просто не преодолеешь круг, которым он очерчен. Он оттолкнёт тебя сначала огнём, потом водой. Продолжишь попытки – просто засыплет землёй заживо.

Атей говорил нехотя, отвращение к тому, чем ему приходится заниматься, усиливалось: мало неприятностей причинил ему этот безумный! Теперь он явился, чтобы погубить его карьеру! Будь его, Атея, воля...

Бласт в отчаянье взмахнул руками.

– Им не понадобится засыпать меня землёй. Мне просто нет смысла туда идти. Я не получу помощи от них, потому что мы случайно.. Ты слышишь, случайно!... убили одного из них...

– Атей в ужасе бросился к алтарю с фигурками богов и начал дрожащими руками зажигать множество курений и огней:

– Ты украл Белоглазую тану, а потом ещё и жреца-ворона убил! Тем более вам необходимо скорее покинуть мой дом! Ты понимаешь, как ты своим безрассудством подставляешь меня? Впрочем спустя мгновение он устыдился своей искренности и изменил тон:

– Конечно, я не отказываюсь помочь соотечественнику. Чем могу.

– А чем ты можешь?

– Давай сейчас спать. А с утра решим. Что-нибудь придумаем.

Бласт всю ночь просидел перед волчицей.

Он вспоминал, как в тенистом углу отцовского сада взмолился богу счастливого случая Кайросу послать ему свежих впечатлений, из-за которых он позабыл бы свои прежние болезненные переживания. Неужели выпросил? Но впечатлений оказалось с таким избытком, что он удивлялся: как это его сознание до сих пор не съехало от них в спасительную тишину безумия.

Эта ночь так измучила его, что он даже не понял, спал он или не спал...

Ему чудилась то земля, скачущая обликом реальгаровых волков, то огонь налетал крыльями гигантских воронов, то вода, злобно ишья, подползала струями-змеями.

А с рассветом вошёл Атей.

– Слушай, с утра мы начнём грузить на «Афон» зерно. Я постараюсь, как могу, затянуть погрузку. За это время тебе надо наведаться в Вечность и привести Чисту.

– Кто это?

– Ведунья. В нашей безвыходной ситуации это единственный выход – обратиться к ней. Давным-давно она дала обет не отказывать в помощи ни друзьям, ни врагам. То ли боги за это продляют её годы, то ли, в самом деле, она настолько хорошая лекарка, что её долголетие – лучшее тому подтверждение. Она лечит любую болезнь не дольше трёх дней. Именно это нам и надо. Да, ещё одно: скажи спасибо Александре, моей жене. Это она придумала, как туда попасть.

– Но ты сам сказал, что это невозможно!

Беседуя с Атеем, Бласт не заметил, как долгими переходами между домами был выведен под первые утренние лучи на обрыв над морем. Стая воронов, сорвалась с ближайшего дерева и мгновенно облепила всё его тело.

Атея рядом не оказалось.

3

Бласт яростно отбивался от набросившейся на него завесы из чёрных перьев. Но она была всюду: на голове, под ногами, на лице и под руками. Он резко вывернулся, как когда-то в детстве с друзьями. Но убежать не удалось.

Он падал с огромной высоты!

О-о, ужас! В пылу драки он не заметил, что стая воронов подняла его в воздух, и отбивался от них он на лету!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.